

Т. А. Логиновских

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ:
СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, ФУНКЦИИ

Екатеринбург
РГПУ
2016

ISBN 978-5-8050-0605-1

9 785805 006051

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Т. А. Логиновских

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, ФУНКЦИИ

Монография

© ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», 2016

ISBN 978-5-8050-0605-1

Екатеринбург
РГППУ
2016

УДК 303.425.2

ББК Ю611.2

Л 69

Логиновских, Татьяна Александровна.

Л 69 Социальный эксперимент: сущность, виды, функции [Электронный ресурс]: монография / Т. А. Логиновских. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. 97 с. Режим доступа: <http://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/20929>. ISBN 978-5-8050-0605-1

Рассматриваются понятие «социальный эксперимент», структура, функции, виды социальных экспериментов. Анализируются утопические и реалистические типы социальных экспериментов. Говорится об идеалообразовании как механизме формирования социальных экспериментов. Отмечаются роль и значение социальных экспериментов как формы инновационной практики.

Адресована специалистам в области социальной философии, методологии социального познания, аспирантам и преподавателям.

Рецензенты: доктор философских наук, профессор Д. В. Пивоваров (ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»); кандидат философских наук, доцент Е. В. Попова (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

Системные требования: Windows XP/2003; программа для чтения pdf-файлов Adobe Acrobat Reader

Научное издание

Редактор О. Е. Мелкозерова; компьютерная верстка О. Н. Казанцевой

Утверждено постановлением редакционно-издательского совета университета

Подписано к использованию 28.06.16.

Текстовое (символьное) издание (612 Кб).

Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

© ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2016

Введение

Стремление к лучшей жизни заставляет людей искать идеалы и реализовывать их на практике. На этом пути возникали коммуникативные эксперименты, корни которых уходят в глубокую древность. Со временем социальный эксперимент стал предметом особой научной рефлексии, вычленился теоретической мыслью в форме специфического метода познания и совершенствования общественных отношений.

По своему характеру социальные эксперименты могут быть реалистическими и утопическими, по-разному моделируя прогнозируемые состояния будущего общества, его потребную динамику и структуру. Трудно провести четкое разделение между утопическим и реалистическим в исторически осуществлявшихся социальных экспериментах; вместе с тем, в некоторой степени их можно различать посредством анализа тех идеалов и целей, которые воплощались в жизнедеятельности намеренно создаваемых коммун, экспериментальных общин и иных искусственных социальных структур.

Ныне в восточно-европейском регионе и в нашей стране происходят принципиальные изменения, вызванные не только объективно-реальными причинами (исчерпыванием внутренних ресурсов административно-командной системы), но и причинами субъективного порядка – в том числе и теми, которые связаны с сознательным проведением широкомасштабных социальных экспериментов. Подобные эксперименты, какие бы рациональные цели они ни преследовали, всегда сопровождаются более или менее сильными иррациональными эффектами. Глубокий экономический, политический и идеологический кризис, поразивший бывший СССР, наводит на размышления о противоречивой конструктивно-деструктивной природе социального эксперимента. Социальный эксперимент, если он проводится достаточно энергично и широко, одновременно является критерием истинности или порочности воплощаемой социальной программы и средством практического преобразования наличной социальной действительности. Все эти особенности социального эксперимента обуславливают актуальность его исследования в диалектико-философском ключе.

Актуальной данная проблема оказывается также в связи с необходимостью решения вопросов о характере экстраполяции итогов со-

циального эксперимента на более широкую социальную реальность, об изменении свойств субъекта-экспериментатора и о роли социального эксперимента в формировании нового тотального качества общества.

Сколь бы ни была актуальна проблема социального эксперимента в нынешних условиях нашей страны, ее философское исследование не должно подменяться публицистикой и скороспелыми оценками текущего момента, конъюнктурными обобщениями. Массовый психологический шок, вызванный освещением негативных последствий событий октября 1917 г. для России, пока препятствует спокойному постижению исторической правды и появлению взвешенных оценок как большевистских экспериментов, так и независимой от этих экспериментов естественно-исторической динамики социалистических преобразований. Поэтому для выработки диалектической модели социального эксперимента предпочтительна известная отдаленность от остро политизированной проблематики послеоктябрьской советской истории и от сугубо негативных интерпретаций событий последних десятилетий в СССР. Необходим иной исторический материал, размышления над которым помогли бы увидеть взаимосвязь утопического и реалистического в социальном эксперименте и построить такую его общезначимую философскую модель, которая имела бы методологическую ценность, в частности, для осмысления современной отечественной истории.

Термин «эксперимент» заимствован из естественных наук. Можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что все общие признаки, свойственные естественнонаучному эксперименту, присущи также социальному эксперименту (Р. В. Рывкина, А. В. Винокур)¹.

Принципиально важно, что социальный эксперимент, будучи особым методом познания, оказывает реальное воздействие на жизнь людей, способен изменять субъектно-объектные свойства человека.

В понятии социального эксперимента отражена вся эволюция данного феномена – от коммуникативных экспериментов до сложнейших реалистических экспериментов в различных сферах социальной жизни.

Социальный эксперимент может быть охарактеризован как эмпирический метод исследования, так как «он необходимо предполагает наблюдение и предметно-орудийную практическую деятельность

¹ Рывкина Р. В., Винокур А. В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968. С. 15.

по изменению предметов материального мира»¹; создание материальных условий, изменение их или даже обнаружение сходных, «требующих необходимых признаков экспериментального метода»².

Общефилософская проблематика социального эксперимента в процессе социального познания, включая ее гуманитарно-ценностные аспекты, разработана в трудах А. Н. Аверина, В. С. Барулина, А. П. Белик, Н. В. Бойченко, А. В. Винокур, В. Б. Голофаст, В. М. Духанина, З. В. Кагановой, В. В. Кима, В. В. Налимова, Г. А. Орехановой, П. Е. Сивоконь, Ю. Г. Сурмина, А. А. Хагурова, С. А. Яцкевича и др.

Существуют труды, посвященные исследованию специфики проведения социального эксперимента в той или иной конкретной сфере социальной действительности (эксперименты в экономике, педагогике, социологии, психологии). Мы имеем в виду публикации М. И. Алексеева, Ф. М. Бородкина, М. И. Кузнецовой, А. П. Куприяна, А. М. Леонтьева, А. С. Макаренко, И. И. Матюнина, А. И. Пригожина, В. А. Сухомлинского и др.

В работах указанных авторов подробно описаны схемы соответствующих экспериментальных действий, но эти схемы недостаточно, с нашей точки зрения, философски осмыслены и обоснованы, а методологическая роль социального эксперимента в исследовании общественных отношений выявлена слабо. Этот недостаток частично восполнен в текстах, посвященных анализу социальных отношений в обществе, роли социального эксперимента как формы преобразования общественных отношений – диалектика социальных отношений вскрывается в них путем анализа различных форм социального познания и действия. Речь идет о публикациях Ю. П. Андреева, Г. А. Антипова, А. В. Гайды, А. Ф. Еремеева, О. Н. Жеманова, В. Б. Житенева, В. Е. Кемерова, А. М. Корщунова, А. М. Кочергина, В. А. Кутырева, Л. Б. Логуновой, К. М. Любутина, В. В. Мантатова.

Интересным и перспективным представляется нам ряд теоретических исследований, связанных с постижением таких инновационных процессов в обществе (т. е. творческих и целенаправленных изменений социума), для которых социальный эксперимент – важнейший инструмент их реализации (А. Н. Аверин, М. И. Алексеев, А. И. Пригожин, Б. В. Сазонов, А. А. Хагуров, С. А. Яцкевич). Но пока подобных

¹ Куприян А. П. Проблема эксперимента в системе общественной практики. М., 1981. С. 28.

² Там же.

работ немного. Заметим, что разработкой концепций инновационных процессов давно и успешно занимаются в ряде западных стран, а прикладные последствия некоторых этих концепций эффективно сказываются на эволюции общества в целом. Движение под лозунгом социальных инноваций инициируется группами западных социологов, психологов и общественных деятелей, их клиентурой же являются «люди организаций»: бизнесмены, служащие государственных учреждений, работники сферы образования и культуры.

По мнению основателя теории инновационного развития Йозефа Шумпетера, инновация является созидательным разрушением, и чтобы определить степень разрушения и созидания, требуются время и особая культура восприятия новшеств.

Некоторые авторы (например, Ю. Н. Москвич¹) утверждают, что инновационная культура требует иной философии жизни, иного восприятия времени и пространства, что кризисные ситуации особенно благоприятны для новшеств, когда потребности в преобразовании социальной реальности обостряются до предела. Й. Шумпетер утверждает, что инновация всегда является реакцией на кризис: нет кризиса, нет желания его преодолеть, нет возможности реализации нововведений. Согласимся с автором в части взаимосвязи кризисных явлений и потребности в нововведениях. Однако сводить инновационный процесс только к кризисным ситуациям, на наш взгляд, нельзя.

Отметим две особенности инновационного процесса, которые, по мнению Ю. Н. Москвича, ускользают от исследователей: первая состоит в том, что сама креативная идея не является инновацией, она становится инновационной, если, пройдя через все стадии инновационного процесса (в том числе педагогический эксперимент), превращается в инновационный продукт; вторая особенность инноваций в том, что главным субъектом инноваций становится не сам творец идеи, а так называемый куратор инновационного процесса.

На наш взгляд, проблема практической применимости теории социального эксперимента как инструмента познания и развития инновационных процессов требует дальнейшего теоретического обсуждения и конкретно-исторических оценок.

В настоящий период все больше внимания исследователи уделяют феномену утопического социального эксперимента, изучают его место

¹ Москвич Ю. Н. Инновационное общество как реальность: ожидание чуда и новые тревоги. Новая социальная реальность глобального мира. Красноярск, 2008. 214 с.

и роль в историческом прошлом и настоящем нашей страны и других стран Европы и Америки. Создано множество утопий. (Русский исследователь В. В. Святловский еще в начале XX в. писал, что «число известных ныне произведений типа утопий доходит почти до двух тысяч»¹.)

Скорее всего, утопические социальные эксперименты составляют особую группу социальных экспериментов; их отличает функциональная и организационная неповторимость. Специфике утопических экспериментов посвящены работы Э. Я. Баталова, А. И. Володина, А. И. Клибанова, В. В. Святловского, В. А. Чаликовой, В. П. Шестакова и др. Вместе с тем, далеко не все аспекты социального утопического эксперимента изучены в достаточной степени: среди нерешенных остаются проблемы формирования утопического идеала и механизма практической реализации утопических идей. Историческая наука знает немало примеров претворения в жизнь утопических экспериментов. Эффективность и стабильность социальной структуры подобных экспериментов детерминирована целым рядом обстоятельств, условий и причин, до конца не исследованных и поныне. Сложность понимания феномена осуществленной утопии определяется, в частности, трудностью обнаружения взаимосвязи между сущностями социализма и утопии. Попытки исследования названной проблемы предпринимались Э. Я. Баталовым, В. А. Чаликовой, И. Шаваревичем, Е. Шацким и др.

Цель исследования заключается в обосновании идеи, согласно которой понятия чисто утопического и чисто реалистического эксперимента находятся в слабом соответствии с общественно-исторической практикой. Эти понятия – не критические абстракции, у которых, тем не менее, есть некоторые объективные основания: существует несколько представительных примеров сравнительно чистых утопических и реалистических экспериментов. Но при внимательном анализе в каждом осуществившемся социальном эксперименте обнаруживаются моменты как утопии, так и реальности, хотя и в разных пропорциях.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Раскрыть сущность и природу понятия «социальный эксперимент».
2. Создать философский и социальный портреты инновационной практики.

¹ Святловский В. В. Каталог утопий. М.; Пг., 1923. С. 41.

3. Рассмотреть процесс идеалообразования в структуре социального эксперимента, его онтологическое содержание и формы реализации в различных классах социальных экспериментов.

4. Исследовать социальный эксперимент в соответствии с разделением экспериментов на утопические и реалистические, определив различия идейной основы, структуры и функций утопической и реалистической разновидностей эксперимента.

5. Проанализировать реалистический аспект утопического эксперимента и утопический аспект реалистического эксперимента, их противоречивую взаимосвязь и взаимное проникновение.

6. Определить основные тенденции эволюции социального экспериментирования как формы инновационного процесса.

В своем исследовании мы опираемся на актуальные выводы специалистов в области диалектики социального познания и сферы методологии научного поиска, на исследования по проблемам утопии и утопического мышления, а также на соответствующие публикации по истории русской утопии, утопического движения на Западе; на современные исследования по проблемам инноваций в различных областях практической и теоретической деятельности.

Идейным истоком эксперимента как метода познания природы, а впоследствии и общественных отношений, является философия Ф. Бэкона, теоретические положения которой использованы в работе.

Также в своей работе мы исходили из классических идей Н. Бердяева, Г. Гегеля, И. Канта, К. Маркса, Т. Мора, П. Новгородцева, Платона. В процессе исследования использовались материалы из периодики, освещающие природу утопических и реалистических экспериментов, инновационные процессы в различных сферах человеческой жизни и научной деятельности.

Важное значение имели также методологические инструменты, такие как принцип восхождения от абстрактного к конкретному, метод моделирования, принцип диалектического анализа общественных явлений, идея определяющей роли практики, конкретно-исторический метод познания.

Научная новизна данной работы определяется следующим:

1) осуществлена классификация социальных экспериментов на основании доли в них рационального и иррационального содержания;

2) обосновано, что внутренней сущностью и механизмом развития утопических и реалистических экспериментов является общественный идеал, воплощающийся в альтернативных формах;

3) показано, что реалистический социальный эксперимент обнаруживает в процессе своего осуществления черты утопии: его утопичность происходит не только из заключенной в нем идеи, но и из характера сопряженной с ним практической деятельности;

4) продемонстрировано, что утопическому эксперименту в той или иной степени свойственен реалистический момент, придающий процессу воплощения утопии в жизнь частичную стабильность и определенную эффективность;

5) рассмотрены инновации в онтологическом и гносеологическом аспектах как формы социального экспериментирования на современном этапе научного и философского поиска.

Положения и выводы данной работы могут быть использованы при дальнейшей разработке теории диалектического противоречия, проблем теории социального познания и действия, способов и методов моделирования общественных отношений с целью более эффективного регулирования общественных явлений и управления ими.

Метод социального эксперимента может рассматриваться как важное средство измерения истинности и практической применимости теорий общественного переустройства.

Прикладным потенциалом обладает концепция об утопическом и реалистическом в социальном эксперименте в связи с рассмотрением инновационных процессов в обществе и проблемой экстраполяции локальных нововведений на более широкие социальные сферы.

Во всем мире большое значение придается вопросам научного социального прогнозирования, разрабатываются различные доктрины и теории проектирования будущего. В нашей стране подобным разработкам уделяется недостаточно внимания. Вероятно, теория социального эксперимента может стать составной частью общей теории социального прогнозирования.

Наконец, выводы об утопических экспериментах, сформулированные в данной работе, могут быть использованы при изучении такого сложного духовно-практического феномена, как утопия.

Глава 1. МАТЕРИАЛЬНОЕ И ИДЕАЛЬНОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Обосновывая важную роль экспериментирования, английский философ XVI столетия Фрэнсис Бэкон писал: «Подобно тому, как каждый может продвигаться на своем пути трояким образом: или идти на ощупь в темноте, или держаться за руку другого, потому что сам плохо видит, или, наконец, идти свободно, освещая себе путь, – точно так же можно предпринимать всевозможные эксперименты: без всякой последовательности и системы – это чистейшие продвижения на ощупь; когда же при проведении эксперимента следуют какому-то определенному направлению и порядку, то это можно сравнить с тем, когда человека ведут за руку: именно это мы понимаем под научным опытом. Подлинный же светоч, который мы упомянули третьим, может дать нам лишь истолкование природы...»¹.

Приведенная цитата из работы английского философа убедительно доказывает, что на пути к истине в познании явлений природы и общества существует звено, без которого едва ли достижимо истинное знание, и таковым звеном является эксперимент. Сколь верны данные рассуждения о естественнонаучном эксперименте, столь же верны они и в отношении социального эксперимента.

Познание общества осуществляется многими средствами и способами с целью более глубокого изучения закономерностей развития общества, его свойств и отношений. В конечном итоге целью социального познания является получение знания, использование этого знания для научного и философского анализа перспектив общественного развития. Определенная роль в стратегии поиска истинного социального знания принадлежит социальному эксперименту как специфическому методу познания и освоения социальной действительности с целью решения исследовательских задач по совершенствованию условий, сторон реальной жизни общества или поиска альтернативных форм жизнедеятельности людей.

¹ Бэкон Ф. Великое восстановление наук. М., 1977. С. 63.

1.1. Социальный эксперимент как способ социального познания и форма инновационной практики

Социальный эксперимент отличается от других форм и методов социального познания тем, что в нем применяется предметно-практическое преобразование действительности. Но оно применяется не как самоцель, а как средство получения знания. Вместе с тем, наблюдается четкое отличие эксперимента от многообразных форм социально-преобразующей деятельности, состоящее в том, что преобразование объекта эксперимента имеет вероятностный, гипотетический характер. Практическая деятельность в эксперименте способствует преодолению неопределенности в понимании социальных явлений. Следовательно, социальный эксперимент применим только к тем социальным задачам, разрешение которых невозможно на основе существующего знания, полученного без предметно-практического преобразования объекта.

Специфику социального эксперимента можно правильно понять только при рассмотрении его в системе детерминации общественной практикой и познанием. Будучи средством познания и проверки социальных теорий путем предметно-практического преобразования действительности, социальный эксперимент оказывается обусловленным типом общественного строя, спецификой социальных объектов, методологий и методикой их изучения и преобразования¹.

Социальный эксперимент как форма деятельности предполагает наличие таких структур, как цель и результат. Процесс движения от цели к результату испытывает влияние многих внешних факторов.

На практике идеальное как цель и материальное как средство и результат деятельности взаимодействуют достаточно сложно. Результат часто достигается не одним действием, а в процессе последовательно совершаемых актов.

С нашей точки зрения, социальный эксперимент не только специфический метод познания общественной жизни, но и элемент общественной жизни, инициированной в практике общественной деятельности. Любой эксперимент, в том числе социальный, – это развитие общественной практики, движение от одного уровня практики к новому, качественно иному. В переводе с латинского слово «эксперимент» оз-

¹ Хагуров А. А. Социальный эксперимент: логико-методологические и социальные проблемы. Ростов н/Д., 1989. 152 с.

начает «опыт, проба». Как форма преобразования практики социальный эксперимент должен способствовать обобщению и накоплению конкретно-исторического опыта. Новое мышление каждой эпохи – это, по сути, логика социального эксперимента в социально-философском его понимании¹. Как форма практико-преобразовательной деятельности социальный эксперимент имеет определенный механизм реализации цели через систему этапов. В результате предметно-практических преобразований изменяются качества подсистем и система в целом.

Еще раз подчеркнем, что, будучи средством познания и проверки социальных теорий путем предметно-практического преобразования действительности, социальный эксперимент обусловлен спецификой социальных объектов, методологией и методикой их изучения и преобразования. Особенности социального объекта и субъекта эксперимента не могут не оказывать кардинального влияния на целеполагание и преобразование материальных систем. Рассмотрим особенности субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в социальном эксперименте.

Социальные объекты выражают субъективный фактор общества, интересы, цели, идеалы социально-преобразующей деятельности людей. Фактически любой социальный эксперимент направлен на поиск или проверку некоторых идеализированных представлений, воплощающих идеалы равенства, социальной справедливости, организованности. Носителями этих идеалов выступают и обследуемые, и исследователи, что повышает творческий потенциал эксперимента, но иногда приводит к необъективной трактовке результатов. Это определяет необходимость в процессе подготовки и реализации социального эксперимента всесторонне изучать общественное мнение.

Обследуемые явления, включенные в объект эксперимента, выступают и субъектами познавательной и преобразующей деятельности.

Социальным объектам свойственны принципиальная сложность, полиструктурная и полифункциональная целостность, когда один фактор может привести к многообразным, всесторонним изменениям, не относящимся исключительно к данному фактору, а обусловленным также спецификой внутренних, скрытых потенциальных возможностей состояния социального объекта, которые данный фактор лишь привел в действие. Сложной является и социальная причинность как важней-

¹ Сурмин Ю. П. Социальный эксперимент как средство познания и преобразования общественных явлений // Социальное познание: принципы, формы, функции / отв. ред. В. И. Куценко, И. В. Бойченко. Киев, 1989. 192 с.

шая детерминанта экспериментального исследования, которой, как отмечает Л. И. Чинакова, свойственны субъект-объектная связь, включенность таких звеньев, которых нет в природе: социальных потребностей, интересов, целей и средств, идеальных мотивов и т. п.; причинные связи носят многообразный и индивидуальный характер¹.

Объект любого социального эксперимента является некоторой моделью более широкого социального процесса, что обусловлено, во-первых, приблизительным, огрубленным, но сущностным выделением объекта эксперимента из среды вследствие его принципиальной сложности и многообразности взаимосвязи с социальной действительностью; во-вторых, необходимостью распространения результатов на более широкий круг объектов и процессов. Даже натуральный объект социального эксперимента, который часто строится по правилам статистической выборочности, выступает натурной моделью некоторой области социальной действительности. В-третьих, социальные объекты, выступающие носителями исследуемого качества, органично включены в соответствующие формы жизнедеятельности людей, связаны с реализацией их целей, интересов, жизненных потребностей; в ходе же эксперимента предусматривается предметно-практическое воздействие на них в соответствии с гипотезой, которое может привести к их разрушению или деградации, к возникновению негативных остаточных деформаций. Если в естественнонаучном экспериментировании негативные остаточные деформации приводят только к материальным потерям, то в социальном эксперименте их следствиями могут быть не только материальные потери (недопроизводство продукции, невыполнение плана, снижение производительности труда и т. п.), но и уменьшение организованности и управляемости социальной системы, снижение дисциплины, повышение недоверия к науке, политике, утверждение неправильных мировоззренческих и нравственных установок и т. п. Все вышеперечисленные особенности социального объекта в значительной степени определяют возникающие в процессе эксперимента противоречия между рабочей гипотезой и тем результатом, который получает субъект-исследователь. То есть уже сам социальный объект потенциально содержит тенденции к противоречию с тем общественным идеалом, который воплощен в гипотезе.

¹ Чинакова Л. И. Социальный детерминизм: проблема движущих сил развития общества. М., 1985. С. 21.

В отличие от естественнонаучного эксперимента в структуре социального эксперимента необходимо выделить не только субъект-объектные отношения, но и субъект-субъектные отношения и связи. И вот почему. Во-первых, выделение субъект-субъектных отношений подчеркивает роль субъекта-человека в социальном эксперименте, важность психологического фактора в подготовке и проведении социального эксперимента, на что мало кто из исследователей обращает внимание. На наш взгляд, это непереносимое условие рассмотрения субъект-субъектных отношений в социальном эксперименте. Во-вторых, объектом социального эксперимента является множество социальных явлений, различных по своей структуре, сложности, многовариантности. Это целые научно-технические комплексы, системные образования, материальные модели и т. д. Но существуют за всеми этими объективными образованиями и сугубо человеческие отношения – субъектные. То есть, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть особую роль субъекта-человека внутри субъект-объектных отношений, чего можно достигнуть путем выделения субъект-субъектных отношений. В-третьих, обозначением особого статуса субъект-субъектных отношений мы хотим подчеркнуть отличие социального эксперимента от естественнонаучного. Общим для субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в социальном эксперименте является момент взаимоотражения, выражающий сложность отношений между объектом и субъектом, с одной стороны, и между субъектами, с другой стороны. Субъект-субъектные отношения на всех этапах становления эксперимента являются дополнительными для уже существующих субъект-объектных отношений. Конечно, на всех этапах становления и реализации социального эксперимента главная роль принадлежит субъект-объектным отношениям, так как существует абстрактная схема последовательности операций в эксперименте, где субъект – это исследователь, а объект – то, на что направлена деятельность исследователя. В утопических социальных экспериментах субъект, по-видимому, не осознает себя в роли исследователя, он существует совместно с другими людьми в коммуне, участвует в сотворчестве новой исторической реальности. Здесь функционируют субъект-субъектные отношения.

В социальном эксперименте важен еще один аспект: выделение эталонного объекта. Эталонный объект – образец, совершенный предмет. Эталонным объектом может быть некоторая социальная реаль-

ность, которая отражается в сознании людей в форме идеальных отношений, точнее, в форме совершенных связей и отношений. Эталонным объектом может быть модель какого-либо предмета либо целого класса предметов.

Подлинную сущность и специфику социального эксперимента по отношению как к практике, так и к естественнонаучному эксперименту можно выявить, исходя из анализа специфики отражения экспериментальных объектов, относящихся к различным формам движения материи.

В естественнонаучных экспериментах объектами являются процессы и явления неживой и живой материи, а их изучаемые свойства проявляются в процессе взаимодействия со специальными материальными техническими средствами, используемыми экспериментатором.

Таким образом, во всех естественнонаучных экспериментах без взаимодействия объекта со специально созданными материальными системами (или без изменения материальных условий) изучаемые свойства не проявляются. Формы отражения, присущие природным объектам, в качестве материальной основы имеют механизмы, способные реагировать только на другие материальные объекты.

Отсюда делается вывод, что эксперимент имеет черты трудовой производственной деятельности (в промышленности или в сельском хозяйстве) и поэтому якобы возможно перенесение этой черты естественнонаучного эксперимента на социальный процесс, в частности, на практические действия с элементами риска или смелые предприятия.

В социальном познании объектами являются процессы и явления реальной жизни общества, связанные с сознательной деятельностью людей. В реальной жизни общества, по Марксу, и в действительности, и в голове дан субъект¹.

Форма отражения, присущая социальному объекту (социально-психологическое отражение), концентрирующаяся в механизме второй сигнальной системы, дает возможность реагировать не только на материальные условия и явления, но и на идеальные их образы и действовать по определенной целевой установке субъекта познания – экспериментатора. Объект социального познания обладает способностью коммуникации с себе подобным не только на вербальном уровне, но и при помощи многообразных и сложных знаковых систем².

¹ Маркс К. Метод политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1958. Т. 12. 732 с.

² Куприян А. П. Указ. соч.

Рассмотрим для примера повторяемость как существенную черту эксперимента. В процессе взаимодействия объекта естественнонаучного эксперимента с неизменными техническими средствами или в материальных условиях, создающих экспериментальную ситуацию, исследователь получает, в основном, одни и те же результаты при многократном повторении эксперимента.

Любой социальный эксперимент наряду с субъект-объектными отношениями, по мнению А. А. Хагурова, создает и субъект-субъектные отношения, в которых происходит самопознание субъекта¹. В субъект-субъектных отношениях активны обе стороны. В социальном эксперименте субъект-субъектные отношения складываются в результате того, что он формирует дополнительно к существующему только ему присущее общение его участников. Предметом общения здесь служит экспериментальная деятельность. Отражаясь в сознании участников эксперимента, выступающих в качестве объекта, она опосредует общение субъектов сознания.

В процессе общения происходят взаимопроникновение субъекта и объекта, отражение свойств, основных параметров субъекта (в данном случае экспериментатора) в объекте экспериментальной деятельности, и наоборот. Механизм взаимоотражения объекта и субъекта в процессе экспериментальной деятельности выражается в форме диалога между субъектом и объектом. Общение между субъектом и объектом носит характер диалога, следовательно, сам социальный эксперимент диалогичен. Социальный эксперимент становится итеративным (часто повторяющимся)².

В практике социального эксперимента диалог участников эксперимента ведет к неоднозначности принятия решений и формирует соответствующую структуру эксперимента. В социальном эксперименте повторение процессов каждый раз проходит сознательно в измененном виде с учетом ошибок и неточностей действий участников эксперимента на предшествующих этапах, с уточнением на каждом этапе теоретической модели.

Прежде чем перейти к более подробной характеристике взаимоотражения субъекта и объекта в социальном эксперименте, назовем основные черты субъекта, составляющие специфическую особенность социального эксперимента.

¹ Хагуров А. А. Социальный эксперимент...

² Там же.

Субъектом социального эксперимента может быть отдельный индивид или коллектив, относящийся к определенному обществу, разделяющий те или иные политические взгляды, имеющий определенные убеждения и ценностные ориентации, обладающий некими социально-психологическими особенностями. Ему присущи все те элементы, что свойственны вообще субъективному познанию, но в нем эти элементы находятся в более сложной связи. Причем если в естественнонаучном познании цель и задачи эксперимента зависят от указанных особенностей субъекта незначительно, то в социальном познании они являются определяющими при постановке эксперимента и обобщении его результатов. Для социального познания совершенно неприемлемо освобождение от многих характеристик субъекта эксперимента, ибо это неизбежно ведет к искажению социальной действительности.

По мнению В. Е. Кемерова, при движении субъекта, которое мы условно обозначим как движение вокруг объекта (главным образом при движении в глубь объекта), неизбежной оказывается смена позиции субъекта-исследователя в том смысле, что он, описывая новую грань бытия объекта или более глубокий слой присущих объекту внутренних связей, вынужден использовать (а в некоторых случаях и изобретать) новый понятийный аппарат. Смену позиции исследования чаще всего можно расценивать как преодоление границ узкопрофессионального взгляда на вещи, как привлечение к характеристике объекта знаний из смежных областей науки¹.

Более сложным вариантом движения субъекта по объекту является тот, в условиях которого исследователь вынужден фиксировать все основные связи, обуславливающие бытие объекта. В этом случае субъект познания, по сути, стремится интегрировать различные образы объекта, формируемые разными научными дисциплинами, а соответственно, и установить связь между различными точками зрения на объект².

В. П. Фофанов рассматривает субъект социального эксперимента с позиций теории социального отражения³. Собственно субъектом по-

¹ Кемеров В. Е. Системное знание и способы его построения // Анализ системы научного познания / отв. ред. С. З. Гончаров, И. Я. Лойфман. Свердловск, 1984. С. 44–48.

² Там же.

³ Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение. Новосибирск, 1986. 188 с.

знавательной деятельности, по его мнению, является не одна, а по меньшей мере две взаимодействующие познающие единицы. (Для удобства наложения мы будем говорить о них как о субъекте и контрсубъекте.) Взаимодействие субъектов духовной, в том числе научной, деятельности (имеются в виду постановка цели, формулировка задач и другие мыслительные и практические действия) в ходе подготовки и реализации социального эксперимента – это диалог. В таком диалоге, направленном на приращение знания, каждая из сторон отображает другую прежде всего через продукт деятельности – доставляемое этой стороной знание. В самом деле, для того, чтобы получить новое знание об объекте, необходимо оценить уже существующее знание и способы, которыми оно было получено, с точки зрения их адекватности исследуемому объекту. В конечном счете вскрытие противоречия между знанием и объектом дает толчок к выработке новых познавательных средств, с помощью которых можно получить новое знание об объекте.

Эксперимент есть, в сущности, оперирование с некоторой идеализацией как результатом предшествующей работы теоретического познания¹. Таким образом, диалог в социальном экспериментировании существует не только между субъектом и объектом – как результат взаимодействия, взаимопроникновения в процессе общения, когда субъект-экспериментатор ставит цель перед участниками эксперимента, разъясняет ее им, но и на внутрисубъектном уровне – как момент общения между субъектом и контрсубъектом. Поэтому отражение должно быть рассмотрено как момент целостного субъект-объектного отношения.

Основной функцией социального отражения является социокультурное программирование социальной действительности. Это означает, что конечный продукт целостного отражения – не просто новые данные об объекте (традиционное понимание, отражающее исследовательский этап развития науки), но и информация, являющаяся программой управления определенной деятельностью субъекта². Еще раз подчеркнем, что специфическую особенность социального эксперимента составляют субъект-объектные отношения, качественно отличающиеся от субъект-объектных отношений в естественнонаучном экс-

¹ *Фофанов В. П.* Указ. соч.

² *Сагатовский В. Н.* Об элементарной системе социального отражения. Свердловск, 1977. 30 с.

перименте, где лишь субъект обладает способностью к активным познавательным действиям, заставляя природу «разоблачаться».

Совсем иное дело – социальное экспериментирование, где субъект познания и его объект обладают сознанием, отражательная функция которого выступает важнейшим фактором раскрытия всего процесса экспериментирования.

На начальном этапе построения цели исследования субъект (это может быть отдельный индивид или целый коллектив) строит свою идеальную модель по образцу идеального объекта, т. е. эталона, который сконструирован как некий совершенный фрагмент действительности. Но здесь, на начальном этапе, он выступает как некий образ-модель, существующий в сознании субъекта-исследователя, либо в знаковой форме – как будущая конструкция преобразования действительности. Момент взаимодействия, взаимоотражения с объектом исследования здесь присутствует в неявной, опосредованной форме. На этапе подготовки эксперимента внутрисубъектные отношения (мы говорим о субъекте и контрсубъекте) превалируют над субъект-объектными. Здесь происходят взаимодействие, взаимоотражение между субъектами-исследователями. Взаимоотражение мы трактуем как существенный фактор самодвижения и саморазвития материи¹.

Мы говорим о том, что момент взаимодействия, взаимоотражения присущ не только субъект-объектным, но и субъект-субъектным отношениям, что соответствует этапу постановки цели, формулирования и выработки гипотезы. Действительно, в процессе диалога как внешней формы общения субъектов в эксперименте необходимо выработать исследовательскую программу, которая должна быть реализована в процессе активного диалога с объектом и одновременно в процессе предметно-преобразующей деятельности. Программа проведения эксперимента – это «определенная предварительно намеченная, а затем реализуемая последовательность операций, обеспечивающих решение поставленной задачи»².

Исследовательская программа – это рефлексия всей предшествующей теоретической и практической деятельности, итог огромной мыс-

¹ Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа. Свердловск, 1986. 129 с.

² Рывкина Р. В., Винокур А. В. Указ. соч. С. 59.

лительной работы ученых многих поколений, опыта практического преобразования социальной действительности, взятый в контексте исторического развития. Основными структурными компонентами исследовательской программы являются: 1) формулировка задачи-гипотезы; 2) разработка методики, выбор методической схемы, определение продолжительности эксперимента; 3) разработка плана создания экспериментальной ситуации, включающая выбор объектов и определение последовательности намеченных экспериментальных процедур¹.

Если в вопросе исследовательской программы в том или ином варианте существует некоторая ясность – подробно описаны структурные компоненты исследовательских программ (такие, как гипотеза, методические средства измерения), то аспект взаимодействия, взаимоотражения (мы отдаем себе отчет в том, что эти два принципа относительно самостоятельны) субъектов познания до сих пор до конца не проработан. Но это очень важный момент, ибо во многом результат эксперимента, да и сам ход реализации исследовательской программы, зависят от того, кто проводит эксперимент. Хотя и то, как, какими средствами, безусловно, весьма существенно. Здесь уместно привести слова Гегеля: «...что человек делает, таков он и есть, и лживому тщеславию, которое тешится сознанием своего внутреннего превосходства, мы должны противопоставить евангельское изречение: “По плодам их узнаем их”»².

Необходимо отметить, что исследовательская программа – это, с одной стороны, достижение теоретического и практического опыта субъектов, с другой, – результат взаимодействия субъектов. Субъект-субъектные отношения предполагают иной статус субъекта, чем субъект-объектные. И в том, и в другом отношении субъект есть человек, начинающий причинный ряд, творящий новое – то, чего не было до него. Но в субъект-субъектном отношении один является субъектом, другой выступает как объект. Но «другой» – тоже субъект, а следовательно, по отношению к нему все остальное – объекты. Здесь воспроизводится описанная много раз в философии ситуация, в которой свобода оборачивается произволом, несвободой, а равенство, как писал Гегель, – уравниванием через гильотину³.

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. 311 с.

² Цит. по: *Ватин И. В.* Человеческая субъективность. Ростов н/Д., 1984. С. 115.

³ Там же. С. 117.

Творить другого, как вещь, нельзя. Творить другого – это всегда сотворчество¹. Признание другого субъектом не означает, что следует оставить его в покое, в его субъектном одиночестве, предоставив ему возможность строить и совершенствовать себя самому. Признать другого – значит служить ему, добровольно и бескорыстно, в меру его собственного желания помогать ему в совершенствовании самого себя. Другое определение этого – самопожертвование. Не каждый достоин того, чтобы его признали субъектом. Признание безличности личностью, субъектом превращает признавшего в объект произвола, каприза, потребности «иметь». По отношению же к признанному это только способно затормозить его духовное развитие. Но для продолжения субъект должен превратить себя в его продолжение, в средство не менее важное, чем цель. Диалектика такова, что человек, превращая себя в объект, утверждает в этом случае себя в качестве субъекта². Важны, на наш взгляд, нравственная позиция ученого-исследователя, его человеческие качества, порядочность, компетентность в вопросах профессиональных и в вопросах психологии личности. Мы уже говорили о том, что в естественнонаучном эксперименте от многих личностных качеств субъекта-экспериментатора можно отвлечься, хотя вопрос этот не так прост, как представляется.

Нравственная позиция субъекта-исследователя в социальном эксперименте, его личные качества и свойства характера самым непосредственным образом связаны с ходом реализации поставленной цели, со всем процессом экспериментирования. Социальный эксперимент – это прежде всего общение, диалог с людьми, охватывающий не только систему рационального мышления, но и весь механизм эмоционального фона. Необходимо учитывать динамику чувственного и рационального, конкретное выражение которая находит через диалог, общение.

Деятельность субъекта соотносительна с деятельностью его контр-субъекта, она существует лишь как взаимная деятельность. Реально существует именно взаимодействие субъектов, так что деятельность каждого из них есть составляющая, которая не может быть понята вне данного целого.

Взаимодействие это имеет исторический характер. Оно зависит от своей истории, воплощенной в опредмеченной деятельности.

¹ *Ватин И. В.* Указ. соч. С. 116.

² Там же.

Программа реализации эксперимента требует на начальной стадии выбора эталонного объекта. Процесс этот сложный, неординарный, предполагающий огромную работу по созданию мыслительных конструкций образа будущей реальности.

В переводе с французского слово «эталон» (эталонный объект) означает «мерило, образец для сравнения чего-либо». Мышление человека отражает общие свойства действительности через посредников-заместителей, через знаки языка; знаковый момент свойственен и чувственным образам – ощущениям человека. Схема практического действия репрезентирует в особом материале объект для субъекта. Эталонный образец природы репрезентирует субъекту свойство целого класса вещей и процессов, и в нем соотношение единичного и общего (в функциональном отношении к субъекту) иное, нежели в отдельных явлениях. Везде в этих случаях мы обнаруживаем отражение субъектом объекта с помощью репрезентантов объекта, а это уже не обычное отражение, понимаемое как атрибут материи. Это отражение непременно связано с представительством общих или всеобщих свойств в сравнительно явном виде, причем оно пронизывает целостное отношение субъекта и объекта. Понятно, что языковой знак может иметь функцию представительства только тогда, когда есть его интерпретатор (субъект) и когда можно установить референта знака (объект). Аналогично обстоит дело в случаях с такими представителями объекта, как схема действия и эталон-предмет¹. Совершенные образцы природы начинают выполнять функцию эталона рода вещей именно в субъект-объектном отношении, хотя их качество может не зависеть от этого отношения, а быть природной предпосылкой самого проявления особого отражения с репрезентацией во всех трех элементах субъект-объектного отношения и логикой развития об идеальном². Эталон не содержит в себе всего вещества представляемых им предметов и в этом смысле похож на «материально-практический образ (копию) объекта» и на «субъективный образ сознания»³. Сама обобщенная схема практического действия, интериоризирующаяся вследствие образа в сознание, в свою очередь, имеет причиной своего возникновения выбор человеком для удовлетворения своих потребностей и познания окру-

¹ Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа. С. 15.

² Там же. С. 18.

³ Там же.

жающего мира прежде всего эталонных (образцовых, совершенных) предметов, концентрирующих в себе свойства вещей и процессов. Оперирование с такого рода эталонами формирует схему действия.

Итак, в структуре социального экспериментирования необходимо выделить объект – эталон, выражающий общие свойства вещей и процессов, обладающий качественно новой, высшей структурной организацией, более совершенной формой, максимумом практической полезности, в соответствии с которой приведена вся система субъект-объектных отношений.

Необходимо отметить, что в какой-то мере эталонный объект создает ситуацию, противоречащую реальной социальной жизни. Эталонный объект и социальный объект (т. е. те реальные, объективные связи и явления социальной жизни, на которые направлены экспериментальные действия) – далеко не одно и то же.

В самой предметно-преобразовательной деятельности объект представляет собой противоречивое системное образование. Иначе говоря, неоднозначные реакции на экспериментальную ситуацию, индивидуальность, неповторимость человеческой природы, непредсказуемость социальных событий в обществе – все указанные факторы в своем системном образовании усиливают тенденции к противоречию в экспериментальной деятельности как форме практики. Воплощенные цели, идеализированные представления в ходе реализации их на практике (в практике социального экспериментирования) не совпадают с результатами эксперимента, а порой противоречат им. Отсюда негативные результаты и провал эксперимента. Примеры некоторых утопических экспериментов наглядно иллюстрируют данный тезис. Как свидетельствует история, утопическая община являет собой попытку реализовать свой жизненный идеал, порвав с историей, с реальным временем и пространством. Ибо утопическая община, по определению, ориентирует на следование таким целям, принципам и нормам, которые, отвечая представлениям членов общины о «подлинном» обществе, «подлинных» отношениях, не соответствуют господствующим в обществе целям, принципам и нормам. Сами утописты критерием научности своих систем считали их соответствие «истинной природе человека».

Таким образом, *социальный эксперимент является формой преобразования общественных отношений*. Наличие таких характеристик, как целеполагание, способность к преобразованию материальных сис-

тем, предметно-чувственный характер, позволяет определить социальный эксперимент как форму практики. «Как продукт природы и общественных отношений человек выступает в практике прежде всего со стороны своей предметности. Предметность означает не только природность, телесность человека, материальность индивида, сознательного слоя класса и общества как социальных субстрактных образований. Предметность обозначает также материальные взаимодействия внутри объекта предметной деятельности, изменения, преобразования природных и социальных предметов, структур под воздействием человека»¹.

Еще раз обозначим определенные положения и сделаем некоторые выводы.

В социальном эксперименте помимо традиционно выделяемой схемы «субъект – объект» существуют субъект-субъектные отношения, основанные на взаимоотражении, взаимодополнении друг друга. Субъект-объектные и субъект-субъектные отношения не исключают друг друга, скорее, дополняют и развивают. Представляя схему «субъект – объект» как ограниченную, недостаточную для такого социального явления, как социальный эксперимент, следует введением схемы «субъект – субъектные» подчеркнуть сложность взаимосвязи, взаимозависимости человеческих отношений и реакций на изменение деятельности по улучшению и совершенствованию определенных сторон общественной жизни.

Гносеологической основой объект-объектных и субъект-субъектных отношений являются специфические особенности социального отражения, концентрирующиеся в механизме второй сигнальной системы, что дает возможность субъекту реагировать не только на материальные условия и явления, но и на идеальные их образы и действия по определенной целевой установке субъекта познания – экспериментатора.

В сложной иерархии взаимоотношений «субъект-объект и субъект-субъект» порой трудно определить грань между ними. На этапе подготовки программы эксперимента субъект-объектные отношения предстают как приоритетные, поскольку субъект-экспериментатор ставит задачу, объясняет ее в доходчивой форме группе, коллективу либо отдельному человеку, ориентируясь на эталонный объект. В про-

¹ Алексеев В. П. Практика: её сущность и структура // Вестн. Моск. ун-та. 1988. № 3. С. 31.

цессе реализации исследовательской программы происходит, на наш взгляд, взаимопроникновение субъект-объектных и субъект-субъектных отношений на основе взаимоотражения.

Субъект-экспериментатор на данном этапе не просто наблюдатель за ходом реализации намеченной цели, но и активный соучастник эксперимента. Он общается с объектом (субъектом), активно включается в диалог с людьми, исследует их эмоциональное состояние, поведение, по мере необходимости корректирует намеченные задачи, т. е. субъект-экспериментатор становится активным соучастником экспериментальной ситуации, вливаясь в нее, приобретая функции объекта эксперимента. Весь экспериментальный процесс в социальном познании – это не просто творческий процесс, а, скорее, сотворчество, где субъект-объектные и субъект-субъектные отношения переплетаются, динамично переходя из одной социальной подсистемы в другую.

Специфической особенностью субъект-субъектных и субъект-объектных отношений является необходимость учета психологического фактора в процессе социального экспериментирования. Однако в большинстве исследований, посвященных данному вопросу, он почти совсем не учитывается: главное внимание уделяется технологической стороне эксперимента, анализу результатов, полученных в ходе проведения эксперимента. Отсюда, на наш взгляд, неэффективность ряда экспериментов.

Психологический фактор необходимо учитывать с момента подготовки эксперимента. Он уже – неотъемлемая часть исследовательской программы. Индивидуальные психологические особенности оказывают существенное влияние на реакцию людей в процессе активной реализации исследовательской программы. Настроение людей объективно зависит как от факторов окружающей среды, так и от внутреннего состояния индивида (привычки, жизненный опыт, особенности психики). А. Н. Леонтьев настаивал на том, что деятельность в той или иной форме входит в сам процесс психического отражения, в само содержание этого процесса, его порождение¹. По его мнению, «психология человека имеет дело с деятельностью конкретных индивидов, протекающей или в условиях открытой коллективности – среди окружающих людей, совместно с ними, или с глазу на глаз с окружающим предметным ми-

¹ А. Н. Леонтьев и современная психология: сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. М., 1983. С. 42.

ром – перед гончарным кругом или за письменным столом»¹. Еще раз подчеркнем, что в социальном экспериментировании как способе познания социальной действительности индивидуальный подход предполагает знание психологических особенностей личности, проявляющихся при экспериментальной деятельности порой совершенно иным способом, чем в обычной жизненной ситуации.

Помня обо всех вышеперечисленных обстоятельствах, отражающих специфические особенности субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в социальном эксперименте, отметим, что еще одной яркой чертой социального эксперимента является общественный идеал как своеобразная форма отражения реальной действительности в сознании человека, как некий ценностный духовный феномен.

1.2. Общественный идеал в структуре социального эксперимента

Субъект-объектное и субъект-субъектное взаимодействия являются тем стержнем социального эксперимента, который, во-первых, отражает специфику социального эксперимента, его отличие от естественнонаучного, во-вторых, оказывается той сущностью, которая скрывает противоречие. На определенном этапе реализации исследовательской программы это противоречие обнаруживает себя через несогласованность, несовпадение цели исследования и реализации этой цели на практике. Как данное противоречие возникает? Для этого необходимо обратиться к анализу целеполагания в социальном эксперименте.

Общественный идеал, на наш взгляд, связан с поисковой функцией сознания, с некой неосвоенной реальностью, с предметом отражения, не имеющим аналога в действительности, но имеющим свой идеальный образ как некую мысленную конструкцию. Мысленная модель идеального социума, основанная на абстрактных объектах, в сознании исследователя-теоретика воплощается в творческие конструкции – идеалы – в форме утопий, мечты, а также вполне здоровое рациональное конструирование будущей социальной реальности – прогнозистические программы, конструктивные планы и прогнозы, деловые игры, инновационные модели в сфере образования, медицины, науки, экономики.

¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 83.

Мысленная модель идеального социума в сознании исследователя-практика воплощается в различных формах активного экспериментирования.

В основе общественного идеала – процесс конструирования некой совершенной социальной реальности в форме образов (желаний, представлений, воображения). Некоторые авторы считают, что утопизм в первую очередь представляет собой превращенную форму или способ выражения социальных идеалов¹.

Человек всегда мечтал об идеальном устройстве общественной жизни. Его жизнь есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка перед наступлением истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда; но завтра или через несколько лет, словом, в будущем, все изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь, весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день не в счет. «Это настроение мечтательности и его отражение на нравственности, это нравственная серьезность, презрение и равнодушие к настоящему и внутренне лживая, неосновательная идеализация будущего – это духовное состояние и есть ведь последний корень той нравственной болезни, которую мы называем революционностью, и которая загубила русскую жизнь»². И еще: «...осуществление каких-то освященных давними традициями разумных общественно-политических форм жизни становится единственным делом, осмысляющим жизнь, общим ответом на вопрос – что делать?»³.

Сознание человека находится в вечном поиске идеальной модели переустройства общества. И этот поиск ведут не только в России, но и в Америке, в Китае, в других странах и на других континентах.

Но речь сейчас не об этом. Общественный идеал как некое духовное образование, как некая мысленная модель будущего выражает соотношение человека и общества, и это соотношение есть соотношение субъекта и объекта (в данном случае объект мы понимаем достаточно широко – как системное образование).

¹ Бакулов В. Д. Утопизм как превращенная форма выражения социального идеала // Вестн. Рос. философ. о-ва. 2002. № 4. С. 130–133.

² Франк С. Л. Смысл жизни // Вопр. философии. 1990. № 6. С. 100.

³ Там же.

Идеал – образ будущего, выражение должного в сущем, надлежащего в наличном бытии. Это целостный образ деятельности, взятый в той среде, как она должна была бы осуществиться¹.

Обозначим исторические шаги, этапы развития общественного идеала:

1. *Идеал* в форме *мечты* угнетенных масс о счастливом будущем, где нет эксплуатации, а труд справедливо вознаграждается. Это традиционные легенды о неведомой стране, невидимом граде, земле обетованной, золотом веке и т. д. Здесь идеал выступает в виде яркого чувственного образа, имеющего выраженную эмоциональную окраску. Идеал-мечта чаще всего выполняет компенсаторную, утешительную, функцию, реже – социально-организаторскую.

2. *Идеал* в форме *идеи*. Это переход идеала с уровня социальной психологии на уровень теоретического сознания, идеологии. Здесь идет процесс очищения идеала-мечты от эмоциональности, мифологичности. В мечте выделяется основное центральное звено и обобщается в виде идеи, которая может выступать целью социально-теоретической деятельности людей и фактором, организующим такую деятельность. В идее – в адекватной или неадекватной форме – отражается основное противоречие действительности, которое заинтересованный класс желает разрешить в свою пользу. Например, идея освобождения крестьян и передачи им земли, идея равенства, идея обязательности труда для всех, идея мудрого и доброго правления и т. д.

3. *Идеал*, выступающий в виде идеи, но обоснованный теоретически, превращается в *теорию* – научную или ненаучную. В теории идеал выступает как система идей. Задача теоретического обоснования в том, чтобы обнаружить реальные связи между идеалом и действительностью, показать возможность превращения идеала в действительность. Исходным моментом в обосновании идеала является философское мировоззрение, в зависимости от него мыслитель либо идет к действительности от идеала, судит сущее с точки зрения должного, либо пытается соединить идеал с действительностью, исходя из приоритета последней.

Идеал-теория содержит в себе и идеал-мечту, и идеал-идею.

¹ Давидович В. Е., Золотухина-Аболина Е. В. Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии: структура и функции. Свердловск, 1986. 130 с.

Чтобы идеал мог стать материальной силой, преобразующей общество, он должен быть соединен со своим социальным субъектом. Это становится возможным потому, что в общественном идеале находят свое отражение неудовлетворенные социальные потребности определенных групп населения и потребности общества в новациях.

Общественный идеал – это представленные в законченной и совершенной форме тенденции самой действительности¹. «Идеал – это рефлексия объективно-идеализированного эквивалента времени в проекции на вечность, тогда как утопия таких оснований не имеет»². И далее: «...там, где безусловность идеала снижается до условности, уступая место разочарованию, скептицизму и неверию, там рождаются утопии. Главное свойство утопий не в том, что их проекты принципиально неосуществимы, а в том, что утопии иронизируют над настоящим, где нет никаких предпосылок для их реализации в будущем. Философия безнадежного оптимизма, используемая утопиями проекта: исход настоящего трагичен, если, например, не вернемся к старому, доброму времени, где все равны, бедны, но радостны. Или, если не ограничим наши потребности сегодня, завтра все равно начнем ограничивать. Короче, логика “если” напрямую проистекает от желания сослагательного наклонения в истории: утопия – суть предчувствия нового идеала, реплика народного сознания на монолог бюрократизированной жизни, когда “развинтилась связь времен”, а праздник стал праздностью»³.

Не случайно мы привели цитату, где понятия «идеал» и «утопия» взаимодействуют друг с другом, одно проникает в другое, взаимодействуют и в то же время взаимоисключая друг друга. Мы ввели эти понятия, чтобы осознать смысл и значение, истоки и развитие многочисленных социальных экспериментов, которые являлись, по сути, воплощением, реализацией общественного идеала, проверкой истинности его на практике.

Вообще, идеал (от греч. *idea* – идея, понятие, представление) – совершенство, совершенный образ чего-либо; высшая конечная цель

¹ Железняк В. С. Общественный идеал и социально-историческая деятельность. Свердловск, 1989. 105 с.

² Лучанкин А. И. Идеал и утопия // Идеальное как продукт исторического развития человечества. Свердловск, 1989. С. 109.

³ Там же. С. 110.

стремлений, деятельности. В основе идеала – идея, мысль о лучшем общественном устройстве жизни людей.

Мысль о вечном счастливом будущем будоражила людей с момента появления рефлексии над собственным «Я», своим бытием и окружающей природой. Но эта мысль искала выхода во внешнюю среду, искала пути своей объективации. Стремление усовершенствовать, изменить окружающий мир в соответствии со своими идеалами – вот основа социальных экспериментов.

Остановимся более подробно на том, каким образом общественный идеал воплощается в экспериментальной деятельности, в каких формах и образах. Но, думается, что общественный идеал как духовное состояние, отражающее творческое начало в человеке, составляет сущностную характеристику социального экспериментирования, представляющего собой особую форму творчески-созидательной деятельности.

Что лежит в основе идеала, воплощенного в таких социальных экспериментах, как утопические?

Из всех поселений, созданных оуэнистами в первой половине прошлого века, наибольший интерес представляют «Новая Гармония» и «Орбистон». В основе идеала оуэнистов была идея совершенного человека. В приведенных примерах типом сознания, формирующим идеал новой социальной реальности, является утопическое сознание как определенное видение человеком желаемого мира, которого не существует в реальной действительности, но который можно создать, сотворить, сконструировать на основе того образа, который возник как воображаемый, желаемый проект будущей реальности. Утопия всегда понималась как проект гармонии и совершенства в отношениях между людьми. Для мудрецов древности утопия была плодотворной невозможностью, представлением о желаемом, которого человек всегда стремился достичь, но которое по самой своей природе таково, что не может быть достигнуто. И все же, благодаря самой своей идее, утопия служила мерилom суждения о людях, идеалом, с точки зрения которого измерялась реальность.

В основе идеалообразования в социальных экспериментах лежит противоречие между объективно существующим, действительным, реальным миром, с одной стороны, и способностью сознания создать

воображаемый мир в форме мысленных конструкций будущей социальной реальности. В сознании человека и в реальном мире не может быть пустоты. Формы реального мира, объективированные человеческим трудом, не могут быть вечно неизменными. Движимые интересами и потребностями человека, формы человеческого бытия создают онтологическую базу для активизации творческого потенциала сознания, его функций. Несовершенство форм реального мира создает практическую необходимость преобразовать их, сделать более совершенными, привести в соответствие с желаниями и интересами человека. Так возникает иллюзия в возможности совершенствовать общественные структуры в соответствии с идеалом – создать новый тип общественных отношений, поднявшись над практикой реальных. Эта иллюзия есть не что иное, как утопический идеал – произвольно сконструированный образ будущей социальной реальности.

Утопический идеал способствует энтузиазму: утопия всегда обещает больше, чем реально возможно, обещает все осуществить быстрее, чем это возможно, обещает все блага всем поровну, тогда как на самом деле любое общество не может не быть в каких-либо аспектах дифференцированно¹. Утопический идеал основывается на вере, а потому позволяет пренебречь точным расчетом ожидаемого и строгими аргументами реальности гипотетического будущего².

В основе идеалообразования в целом ряде социальных экспериментов (создание молодежно-жилищных комплексов, киббуцианское движение (Израиль) и др.) лежит осознанная необходимость практических преобразований социальной реальности, адекватно выраженных в цели и программах эксперимента. Программа и цель эксперимента в этом случае максимально приближены к реальным потребностям человека. Так, скажем, цель молодежно-жилищного комплекса – создать объективные условия для строительства жилья для молодежи. Программа реализации этой цели включала элементы реальной практики и исходила из осознанной необходимости следовать логике прогрессивного (а значит, цивилизованного) движения общества, не навязывая искусственных форм освоения социальной реальности.

¹ *Файнбург З. И.* Не сотвори себе кумира. Социализм и «культ личности». М., 1991. С. 71.

² Там же. С. 72.

Итак, в основе идеалообразования в социальном эксперименте лежит сложная взаимосвязь между реальным бытием человека и свойством сознания в достаточной мере адекватно отражать эту реальность. Грани такой взаимосвязи достаточно разнообразны, каждая из них высвечивает свой аспект рассмотрения проблем. Поэтому необходимо анализировать два класса социальных экспериментов: утопических и реалистических. Идеал, на наш взгляд, является внутренней, глубинной сущностью цели социального эксперимента. Идеал воплощен в цели в форме главной задачи, пронизывающей весь цикл социального эксперимента, практическое осуществление которого целенаправленно. Подтверждение тому – классический пример из истории утопических экспериментов в Америке.

Как и в других странах, утопические общины, формировавшиеся в США, воплощали разные социальные идеалы, различались по численности, длительности существования и многим другим характеристикам.

Все существовавшие в XIX – начале XX в. коммуны можно условно разделить на три большие группы. Это, во-первых, религиозно-сектантские общины, которые возникают в США в первой половине XIX в. Сначала «Ефрата», несколько позднее общины шейкеров, затем «Гармония», «Зоар», поселение гуттеритов и др. Вторую большую группу составляли утопические общины, которые можно назвать доктринальными, поскольку они ставили целью практическое воплощение принципов конкретной утопической доктрины. Таковы были прежде всего оуэнистические общины, возникшие в XIX в. в Англии и США. В середине 1820-х гг. А. Комб создает оуэнистскую общину в своем имении недалеко от Глазкого. Однако самая интересная и поучительная страница в истории этого рода общин связана с опытами самого Р. Оуэна, проводившимися им в США.

В 1824 г. он отправляется за океан и, купив в следующем году у Г. Раппа «Гармонию», принимает непосредственное участие в создании на ее месте «Новой Гармонии», которая, по его замыслу, должна была послужить примером общественных отношений, при которых человек перестал бы быть рабом самых отвратительных зол, которые объединились, чтобы нести моральные и физические бедствия человечеству. «Я имею в виду, – пояснял Оуэн в «Декларации духовной независимости», провозглашенной им в «Новой Гармонии» 4 июля 1826 г., – частную, или индивидуальную, собственность, абсурдную

или рациональную религиозную систему и брак, основанный на индивидуальной собственности и одной из иррациональных религий»¹.

«Новая Гармония» быстро распалась, как распались и другие оуэнистские коммуны в Англии и США. Они в известном смысле подготовили почву для появления фурьеристских общин, расцвет которых пришелся на 40-е гг. XIX в.

Это был период массового увлечения американцев идеями Фурье. В учении французского социалиста их привлекала идея ассоциации, истолкованная на американский лад. «Американцы предпочли не ждать, пока созреют описанные Фурье условия, и сразу же приступили к организации фаланг... По уточненным данным такого серьезного исследователя, как А. Бестор, в США в период 1840–1860 гг. было создано 28 более или менее крупных фурьеристических фаланг»².

Как «Новая Гармония» выделялась среди коммун, созданных Оуэном и его сподвижниками, так среди фурьеристских фаланг выделялась «Бруг Фарм». В ней нашли концентрированное воплощение основные принципы фурьеризма: ассоциированный труд (основанный на совместном пользовании средствами производства и дифференцированной системе вознаграждения), ассоциированный быт, новая система образования и воспитания. Вместе с тем, «Брун Фарм», как и другие ассоциации, отчетливо продемонстрировала слабые стороны фурьеризма, невозможность последовательного осуществления его принципов в условиях буржуазного общества.

Интересным и верным представляется нам замечание русского правоведа П. Новгородцева о том, что «нельзя найти какого-либо исторического образа, адекватного тому абсолютному пределу, который по существу своему имеет сверхисторическое значение»³. И к нашему примеру, приведенному выше, можно добавить, что «потерпели крушение не временные политические средства, а утопические надежды найти безусловную форму общественного устройства...»⁴.

Конечно, только механизмом идеалообразования нельзя объяснить развитие и провалы многих социальных экспериментов. Такое

¹ Цит. по: *Авдеева М. А.* Идеи Фурье в США // История социалистических учений / Г. С. Кучеренко [и др.]. М., 1976. С. 277.

² Там же. С. 279.

³ *Новгородцев П.* Об общественном идеале. М., 1991. С. 42.

⁴ Там же. С. 62.

объяснение, с нашей точки зрения, будет недостаточным, ограниченным, субъективно-односторонним, не учитывающим ряд других аспектов проблемы. Тем не менее, именно общественный идеал концентрирует в себе в наиболее общих чертах главную идею переустройства общественных отношений. Однажды возникнув, любой общественный идеал находится в критическом отношении к нынешнему миру, данному в опыте, и требует его вечного совершенствования.

Итак, мы рассмотрели социальный эксперимент с точки зрения особенностей субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, выражающих практически-деятельную сторону социального эксперимента, с одной стороны, и процесс идеалообразования в структуре социального эксперимента, выражающего идеальную сторону экспериментирования в процессе преобразования общественных отношений – с другой.

Глава 2. РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ И УТОПИЧЕСКОЕ В СОЦИАЛЬНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Мы рассмотрели социальный эксперимент как феномен практики и познания, выделив основные структурные элементы социального эксперимента как познавательного процесса. Наиболее важная роль в указанном аспекте рассмотрения принадлежит, с нашей точки зрения, общественному идеалу как сущностной характеристике социального эксперимента, в наиболее концентрированной форме выражающей цель и задачи организации социального эксперимента.

В настоящей главе мы попытаемся проанализировать социальные эксперименты в плане их классификации на утопические и реалистические, рассмотрев механизмы реализации общественного идеала в каждом из указанных случаев. Примеры социальных экспериментов, выбранные для иллюстрации теоретических положений, взяты из истории социального экспериментирования в странах Европы, в Америке, России.

2.1. О критериях реалистического и утопического

Чтобы глубже и полнее раскрыть содержание социального эксперимента, необходимо определиться с пониманием категорий «реальность» и «утопия». В практике общественной жизни социальный эксперимент всегда вбирает в себя моменты как реалистического, так и утопического. Реалистический аспект невозможно понять без анализа понятия «реальность». Приводить существующие в философской литературе точки зрения на данное понятие вряд ли целесообразно. Отметим лишь, что многие авторы в основу своей позиции кладут определение реальности, данное Гегелем. Думается, что это является одной из причин нашего обращения к гегелевскому пониманию реальности. В «Энциклопедии философских наук» Г. В. Ф. Гегель определяет реальность следующим образом: «...качество как сущая определенность в противопоставление содержащемуся в нем, но отличному от него отрицанию есть реальность»¹. И далее: «Если мы рассматриваем наличное бытие как сущую определенность, то мы тогда имеем в нем то, что понимают под реальностью. Так, например, говорят о реальности некоторого плана или некоторого намерения и понимают под этим

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 229.

то, что план, или намерение, уже есть нечто внутреннее, субъективное, а получил наличное бытие. В том же смысле можно так же назвать тело реальностью души и право – реальностью свободы или всю Вселенную вообще – реальностью Божественного понятия»¹.

На наш взгляд, реалистическое есть действительное, конкретно-значимое наличное бытие, жизненный сплав сущности (идеи) и явления.

Утопическое – нечто существующее как возможность, как внутренняя сущность субъекта. Историческая реальность, осознанная в качестве основания и начала по отношению к двум формам объективного процесса – в природе и целеполагающей деятельности людей, соединяет бытие (существование) не с иллюзорной сущностью – духом, а с действительной сущностью – материей. Отношение природы и целеполагающей деятельности представляет собой реальность². Реалистическое – это момент взаимодействия природы и целеполагающей деятельности людей. Утопическое уводит людей из конкретной реальности в бесконечное, оно вне времени и пространства. Реалистическое дискретно, оно естественно эволюционирует от прошлого к настоящему и будущему.

Итак, реалистическое определяем через наличное бытие, составляющее основу существования субъектов истории. Поскольку человек есть существо, жизнь которого протекает прежде всего в истории и обществе, то окружающее его бытие никогда не является бытием вообще, но всегда – конкретной исторической формой общественного бытия. С социологической точки зрения, бытие может быть понято только как некое конкретно значимое, т. е. как реально функционирующее и поэтому реально определяемое, жизненное устройство³. Как видим, эти два понятия – «бытие» и «реальность» – составляют основу реалистического.

Определить содержание понятия «утопия» нам представляется сложнейшей задачей. Существующие дефиниции, широкий разброс мнений при определении содержания, функций и роли в историческом процессе подтверждают неоднозначность и сложность данного феномена. Как подчеркивает В. А. Чаликова, власть утопии – это власть

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. С. 230.

² Плотников В. И. Идеальное в структуре исторически являющейся реальности как философская проблема // Идеальное как продукт исторического развития человечества / ред. В. И. Плотников. Свердловск, 1989. С. 66–67.

³ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление / сост. В. А. Чаликова. М., 1991. С. 113–169.

символа над человеческой жизнью, вторичная реальность, соединяющая несоединимое: науку и легенду¹.

Наша задача – не исследование утопии вообще, а ее рассмотрение как аспекта социального эксперимента. Мы ограничиваемся анализом социально-политической формы утопии, отстраняясь от других ее форм, таких, например, как художественная, сатирическая, мифологическая и др. Это сделано в соответствии с основной целью и задачами нашей работы.

Предварительные замечания, сделанные выше, необходимы нам для понимания сущности утопии в тех рамках исследования, которые указаны во введении.

Всякая утопия есть вымысел, иллюзия (в переводе с греч. – «место, которого нет»). Всякий социальный эксперимент представляет собой часть общественно-исторической практики. Именно часть, а не целое. отождествление части общественно-исторической практики со всей исторической реальностью вносит путаницу в понимание социального эксперимента. Тогда приходится признать, что вся наша жизнь – сплошной социальный эксперимент. Мы склонны признать, что социальный эксперимент – метод познания общественных явлений с присущими научному методу атрибутами.

Сущностью утопии, по-видимому, являются желаемые, но слабо реализуемые идеальные образы будущего идеального общества. Это идеальное общество есть как бы идеальный образ, существующий в сознании людей. Предметный аналог данного образа существует в действительности, но в образе он представлен частично, другая часть (или части) конструируются в воображении как вымысел, как нечто желанное, должное. Эта часть образа (как элемент больше психологический, а не реальный, рациональный) становится общеструктурным, целым в конструировании общества-идеала. Это та основа, на которой реализуется будущая социальная реальность. Необходимо, на наш взгляд, начать с рассмотрения понятия «утопия» – это важно, ибо в классе социальных утопических экспериментов понятие «утопия» является центральным.

Само это понятие появилось в начале XVI в., когда увидела свет «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая кни-

¹ Чаликова В. А. Настоящее и прошлое сквозь призму утопий // Современные буржуазные теории общественного развития / под ред. В. А. Чаликовой. М., 1984. С. 74–121.

жечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивого Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона».

Итак, утопия – место, которого не существует. Многих исследователей утопии объединяет то, что утопия понимается как социальный идеал, выражающий потребности и интересы различных общественных групп.

Чаще всего сущность утопии пытаются вывести из соотношения воплощенного в ней идеала с различными сторонами общественной жизни, прежде всего с общественной практикой. Утопию, например, определяют как «несбыточную идею, неосуществимую мечту», «вечное царство неосуществимой мечты», как указание на переворот, который она (утопия) хотя и неспособна осуществить, но «может требовать»¹. Важно подчеркнуть, что утопия – воплощение определенного типа сознания, т. е. типа видения человеком окружающего мира, который может проявляться и в науке, и в искусстве, и в философии, и в других формах общественного сознания. Сущность утопии часто пытаются определить через отношение воплощенного в ней идеала и реальности. Наиболее последовательное выражение этот подход нашел в теории К. Мангейма. По его мнению, «утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его “бытием”»². Это несоответствие постоянно проявляется в том, что подобное сознание в переживании, мышлении и деятельности ориентируется на факторы, не содержащиеся в бытии³.

Интересное понимание утопии и утопического идеала мы находим в работах современного исследователя Э. Я. Баталова.

По мнению Э. Я. Баталова, сущность утопического идеала следует искать в способе его продуцирования⁴. Идеал как образец, высшая социальная цель, в соответствии с которой человек строит свою деятельность, может полагаться (продуцироваться) разными способами – обстоятельство, имеющее первостепенное значение для понимания специфики утопии как феномена сознания и культуры.

¹ Шестаков В. П. Понятие утопии и современные концепции утопического // *Вопр. философии*. 1972. № 8. С. 151–158.

² Мангейм К. Указ. соч. С. 116.

³ Там же.

⁴ Баталов Э. Я. В мире утопии. М., 1989. С. 16.

Идеал может полагаться субъектом в соответствии с объективными законами социального движения, т. е. выводиться из действительных тенденций развития конкретного общественного организма, реализация которых становится осознанной потребностью определенной части общества. В этом случае идеал выступает как образ необходимого (совпадающего с желанным) состояния общества, возникающего в результате разрешения существующих противоречий и его развития. Такой идеал обычно является собой итог конкретного социологического анализа состояния общественного организма, взятого в его историческом движении¹. Этот идеал рождается из свободного, ничем, как будто, не ограниченного воображения. Утопическое сознание стремится освободиться от тирании необходимости, подняться над временем и над историей². По мнению В. И. Мильдона, «утопия считает возможным обрести потерянный рай, навсегда искоренить зло – в этом заключается спасение человечества»³. Можно определить утопию как произвольно сконструированный образ идеального социума, принимающего различные формы (общины, города, страны и т. п.) и простирающегося на всю жизненную среду человека от внутреннего его мира до космоса. В таком случае утопическое сознание может быть определено как сознание, произвольно полагающее образ идеального социума.

Необходимо отметить, что положенный произвольным воображением образ (понятие) идеального предмета может быть соотнесен не только с будущим, но и с любой точкой на шкале пространственно-временного континуума либо не соотнесен с этой шкалой вообще. Утопист воспринимает социальную реальность как своего рода набор позитивных и негативных элементов, манипулируя которыми – отбрасывая одни и отбирая другие, – можно построить более или менее современное, а точнее, отвечающее его субъективным представлениям о наилучшем мире, общество.

Убежденный утопист не аналитик. Это человек веры, идеи, решения, действий. Мысль у него, если воспользоваться выражением Андрея Платонова, «действует в чувстве, а не под плешью». Уверенный в том, что он нашел ключ к всеобщему благу, одержимый стремлением осчастливить человечество, он не внемлет доводам разума и замечает

¹ Баталов Э. Я. В мире утопии. С. 17.

² Там же. С. 18.

³ Мильдон В. И. История и утопия как типы сознания // Вопр. философии. 2006. № 1. С. 21.

только то, что работает на его идею. Он идет напролом ради этой идеи. Истязаемый тюремщиками Томазо Кампанелла собирает последние силы, чтобы донести до людей высшую тайну – свой «Город солнца». Джеральд Уинстонли борется за создание колонии диггеров, выражающих интересы английской бедноты. Этьен Кабе обращается с пылкими воззваниями к соотечественникам-французам и отправляется с небольшой группой сторонников в ставшее для него роковым путешествие за океан, дабы личным примером доказать возможность создания «Икарии» – рая на Земле. Гракха Бабефа отправляют на гильотину. Роберт Оуэн практически разоряется на своих экспериментах.

Утопист не только мысленно разделяет мир на части, но и абстрагируется от общественно-исторического времени как прерывно-непрерывной последовательности событий, от их взаимосвязи и взаимообусловленности¹.

Разделив мир на элементы, утопист испытывает потребность проделать обратную работу – заново синтезировать целостную картину мира. Ибо утопическое сознание, как и всякое другое, может оперировать лишь целостными образами. При этом утопист замещает вытесненные элементы реальности новыми, устанавливая между ними производные связи. По словам Э. Я. Баталова, к утопическому сознанию мы должны подходить как к своеобразному шифру бытия продуцирующего его субъекта², т. е. рассматривать его как отражение действительности, фиксирующее – непосредственно, через содержание полагаемого идеала, или косвенно, через способ видения предмета утопистом – его ценностные и политические ориентации и притязания. Любой социально-утопический проект – это слепок с породившего его общества, обратная проекция одной исторической эпохи в другую, т. е. проекция, в которой устранены все минусы и усилены все плюсы существующего общества. Она неизбежно несет в себе реальные противоречия последнего и его проблемы, связанные с характером классовой культуры и общественных отношений, уровнем экономического развития, культурной зрелости.

Современный исследователь российских утопий Б. Ф. Егоров определяет утопию как мечту об идеальной жизни в любых масштабах и объемах и выделяет следующие антиномичные пары утопий: массовые – личные; теоретические (т. е. без практики) – практические (рас-

¹ Баталов Э. Я. Современное капиталистическое общество и утопическое сознание // *Вопр. философии*. 1973. № 10. С. 45–47.

² Там же.

считанные на реализацию в ближайшее время); современные – отдаленные во времени; чудесные (основанные на вере в чудо) – трудовые (реализуемые упорным трудом); социально-политические – не имеющие социально-политических элементов и др¹.

Таким образом, дефиниция утопии многоаспектна, определяется различными философскими направлениями, субъективными подходами, творческим характером самой утопии. Утопия – продукт креативно-творческой деятельности субъекта-исследователя. Источником такой деятельности является воображение, мощь которого «заключается в его способности соединять противоположности (чувственное и рациональное) и схватывать в единичном всеобщее, в различном – тождественное, в многообразии – единство, в случайном – необходимое»². Противоположной, оппозиционной, сущностно иной категорией выступает реалистическое.

Реалистическое – то, что существует объективно, утопическое – существующее субъективно. На наш взгляд, в жизни субъекта настолько перемешаны реалистические и утопические моменты, что порой трудно провести границу, определить критерий дифференциации названных выше категорий. Необходим анализ предпосылок, объективных условий, чтобы развести реалистическое и утопическое. Ценность утопии в социальном эксперименте – в ее творческом созидательном характере, в способности привнести элемент веры и надежды в отношении субъекта и объекта к природе. Ценность реалистического аспекта в социальном эксперименте состоит в том, что практически-педагогический характер социального экспериментирования способен к фильтрации искусственных конструкций, моделей, навязываемых субъектом обществу.

2.2. Реалистический и утопический эксперименты в сфере общественных отношений: различие их идейной основы, структуры и функций

Анализ общественно-исторической практики и мировой культуры показывает, что в истории человечества было проведено множество социальных экспериментов. В основе их часто лежали идеи утопистов,

¹ Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 6–8.

² Гончаров С. З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006. С. 324.

трансформируемые в сознании людей в идеальный образ будущего общества. На наш взгляд, утопическое сознание почти не направлено на конструктивно-критическое осмысление существующих обстоятельств, бытийное существование субъектов истории. Оно имеет тенденции быть вне времени и пространства, не обладает статусом индивидуальности, оно идеально, т. е. существует как процесс. Но в отличие от индивидуальных идеальных образов утопическое сознание преимущественно иррационально, в нем ощущается недостаток рационально-критического отношения к действительности. Оно слишком оторвано от реальной жизни и занято проблемами абстрактного конструирования принципиально новой социальной реальности. Реализация идей, планов утопии в коммунах, поселениях в конечном итоге приводила к провалу коммуникативных экспериментов, к разочарованию членов коммун и их организаторов. Есть много исследований, подтверждающих печальный итог коммунитарных экспериментов. С нашей точки зрения, социальный эксперимент – это метод освоения действительности (осваивающий эксперимент) и метод познания и преобразования социальных явлений и связей (поисковый социальный эксперимент).

В основе реальных социальных экспериментов в философско-гносеологическом плане лежат образы будущей социальной реальности, представленной в различных формах конструктивных связей и отношений. На любой из стадий становления и реализации эксперимента присутствует идеал будущей реальности. Этим идеалом может быть новый образ жизнедеятельности субъекта, например, молодежно-жилищный комплекс (МЖК), новая модель экономических отношений и т. д. Общественный идеал многовариантен, различные его формы представлены как в коммуникативных, так и в реалистических социальных экспериментах. В некоторых случаях он представлен в утопически-иллюзорных образах, предметный мир в них отражается через призму иррационального, неземного, недоступно-желанного. В основе социального эксперимента, как уже было сказано, лежит проектирование образа будущей социальной реальности. Но в проектировании новых социальных связей участвует не только логическое мышление, но и весь спектр чувственно-психологических образов.

На наш взгляд, критерием разграничения двух классов экспериментов является способ построения и освоения действительности. Реалистические социальные эксперименты строятся на иной теорети-

ческой и практической основе. Имеется в виду та система предположений, которую необходимо апробировать на практике.

Реалистические социальные эксперименты – группа социальных экспериментов, проводимых в различных областях социальной жизни, цель которых – исследование инновационных процессов на практике. Особенностью таких социальных экспериментов является максимальное приближение к реальной жизни, адекватное отражение тех социальных связей и отношений, явлений действительности, которые необходимо исследовать и преобразовать в ходе эксперимента. Другой особенностью таких экспериментов является локальность, ограниченность во времени и пространстве. Другими словами, реалистический социальный эксперимент – это часть общественно-исторической практики, но не вся практика.

Утопические социальные эксперименты – группа экспериментов, цель которых – утверждение такой социальной реальности, где модель слабо связана с реальной жизнью. Особенности таких групп социальных экспериментов являются в большей степени иррациональное утопическое сознание, оторванность от реальной жизни, внеисторичность.

Рискнем высказать мысль, что критерием разграничения двух классов экспериментов может служить принципиально различное соотношение в них иррационального и рационального компонентов. По мнению профессора Д. В. Пивоварова, «рациональность – релевантная представленность сверхчувственного целого в избранной субъектом части этого целого, репрезентативность, осмысленность и осознанность правильности репрезентации с точки зрения здравого смысла и реальной необходимости. Рациональность человека, прежде всего, заключается в его способности к репрезентации (к идеальному отражению), благодаря которой единичное становится сигналом сущности (общего закона), а затем с помощью человеческого действия трансформируется так, что целенаправленно и явно начинает подчиняться сущности, отвечая потребности человека и вместе с тем развивая эту потребность; рациональность заключается не только в верном познании законов бытия, но и в том, чтобы на основе знания этих законов по-новому упорядочить бытие, явно подчиняя естественные явления объективным законам в соответствии с потребностями человека. Речь идет прежде всего о разумных потребностях, т. е. потребностях, которые сопряжены с прогрессивным воспроизводством “человека разумного”. Матери-

альное и духовное производство – стороны единого процесса производства человека и его мира, искусственной природы. Следовательно, критерий рациональности включает в себя не только требование соответствия мышления бытию, но и обратное требование соответствия измененного бытия планам и проектам мышления, отвечающим разумным потребностям. Но главная предпосылка рациональности – правильный выбор на практике или в теории максимального репрезентативного предмета: чем полнее репрезентант информирует об объективной сущности класса предметов, тем рациональнее наш выбор и успешнее наша практическая и теоретическая деятельность по преобразованию материальной и нематериально-знаковой реальности»¹.

Итак, исходя из общего принципа разделения социальных экспериментов на два больших класса, попробуем разобраться в чертах каждого из них, ибо воплощение и реализация в них общественного идеала видятся нам по-разному. Это во-первых. А во вторых, необходимо, на наш взгляд, определиться в том круговороте событий, который поставил перед всем миром вопрос: что же было в истории нашего общества – социальный эксперимент продолжительностью 70 лет (можно ли вообще ставить знак равенства между социальной действительностью и особым, специфическим способом познания этой социальной действительности, каким является социальный эксперимент?) или мы шли по особому пути общественного развития?

Семьдесят лет мы убеждали себя и других, что строим наш храм строго по законам науки, а потом оглянулись вокруг: да где же это мы? В каком утопическом царстве? По каким проектам строили у нас светлое будущее? Попробуем упорядочить наши представления о критериях различия двух классов социальных экспериментов.

В самом начале мы говорили о существовании двух аспектов – рационального и иррационального как моментов различия двух классов социальных экспериментов. Хотя, на наш взгляд, указанные два аспекта, несомненно, имеют определенное значение. В самом деле. Чем руководствуются люди, желающие объединиться в коммуны? Прежде всего, желанием, волей порвать с существующим образом жизни, ее естественным развитием, уйти от противоречий социальной действительности, трудностей бытия в мир воображаемый, желанный. Дума-

¹ Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа. С. 36.

ется, что момент эмоционально-психологический здесь доминирует над разумом, а иррациональный – над здравым смыслом. Но было бы неверным назвать такой феномен, как утопические эксперименты, чисто иррациональным явлением. Ведь это попытка построить жизнь исключительно на рациональной основе, изжив из нее все случайное, иррациональное, нецелесообразное; надежда на быстрый успех; вера в возможность противоречивого бескризисного развития исключительно по восходящей линии; ориентация на разрыв с человеческой историей, стремление прорваться в какое-то нечеловеческое или, лучше сказать, сверхчеловеческое пространство.

Мы говорили о различных способах реализации общественного идеала, воплощенного в социальных экспериментах.

Но, думается, речь должна идти не только о способах реализации общественного идеала, хотя способы эти различны в утопических и реальных экспериментах, но и об уникальном характере общественного идеала. Краткую характеристику общественного идеала мы дали в предыдущей главе. Сейчас необходимо предметно соотнести сущность общественного идеала с двумя классами социальных экспериментов. На наш взгляд, та форма общественного идеала, которая воплощена в реалистических социальных экспериментах, максимально приближена к реальным социальным условиям жизни субъектов, будь то отдельная конструкторская программа, модель экономических отношений на определенном предприятии, модель новой, совершенной учебной программы и т. д. Механизм отражения предметного мира объективирован реальными социальными связями и отношениями. Цель эксперимента – преобразование фрагмента реальной действительности в соответствии с объективным ходом истории. Проиллюстрируем это на примере молодежно-жилищных комплексов как реального социального эксперимента, подойдя к проблеме реалистических социальных экспериментов шире – с учетом того, что реалистический социальный эксперимент, как и утопический, – это лишь подсистема целостной системы всего общества, в котором существуют законы функционирования, часто вступающие в противоречие с подсистемами, в том числе такими, как социальное экспериментирование.

Обусловленность типом общественного строя предполагает зависимость от уровня конкретно-исторического развития данного общества (степень развития экономических, социально-политических,

научных, нравственных и других сфер общества). Следует отметить, что социальный эксперимент как научно-теоретический метод познания и освоения действительности отражает противоречивость социальных процессов, всю глубину коллизий экономической, социально-политической и духовной жизни общества.

Содержание социального эксперимента можно рассматривать как микромодель общества. Сложность и многогранность пространства, детерминации социального эксперимента определяют наличие в нем таких процедур, которые не свойственны естественнонаучному экспериментированию. Исследователь-экспериментатор действует как субъект эксперимента, осуществляет всестороннее обоснование необходимости, возможности, целесообразности экспериментальных преобразований, изучает общественное мнение, проводит определенную работу с обследуемыми, решает вопросы недопущения появления у них негативных остаточных деформаций. Это придает его деятельности и социальному эксперименту в целом политический характер.

По сути, социальный эксперимент (в какой бы области действительности он не проводился) представляет собой реализацию нововведений, разрушение старых традиционных связей, отношений и попытку на деле, на практике реализовать новое, нетрадиционное для данной системы решение проблемы.

Вернемся к МЖК. Первый в стране молодежно-жилищный комплекс был создан в нашей стране в 1972 г. в подмосковном Калининграде. Задача была такая: решить жилищные проблемы молодых людей силами самой молодежи. Ее выполнили – но это оказалось только начало. В 1977 г. опытом калининградцев заинтересовались свердловчане. Но они сразу замахнулись на более масштабные цели: на утверждение нового образа жизни. Обратились к идеям Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Шарля Фурье, Роберта Оуэна, Анри Сен-Симона, Карла Маркса. Первоисточником стала теория Платона об идеальном государстве. Родилось определение: коммуна – это объединение людей по месту жительства с созидательной целью. Вместе отдыхать, развлекаться, заниматься спортом, помогать друг другу в воспитании детей, обмениваться информацией и умными мыслями. Пример с МЖК – наглядное подтверждение нежелания человека подчиняться противоземным, антигуманным условиям жизни, которые создала для него тоталитарная система.

Главная идея в социальном эксперименте с МЖК – обрести свободу действия, реализовать возможности субъекта через творческий, целесообразный труд. Социальный эксперимент в нашей стране принял политическую окраску, отражая глубинные противоречия, которые должны были рано или поздно взорвать старый порядок. Явления любой сущности, не соответствующие ей, со временем приобретают черты, противоречащие друг другу и самой сущности. Появляются новые явления, которые уже не устраивает старая сущность. Социальный эксперимент, подобный МЖК, вызван самой практикой, необходимостью преобразования той социальной реальности, которая не устраивает субъекта этой реальности. Скорее, это не научный теоретический способ освоения действительности, а практически-духовный способ освоения мира, опирающийся на здравый смысл. Это требование изменения реальной жизни «снизу».

Здесь вернемся к критериям различения двух классов социальных экспериментов. Мы отметили, что опредмечиваемый в реалистических экспериментах общественный идеал гораздо более полно и точно отражает действительность и отвечает реальным условиям жизнедеятельности людей.

Нельзя отрицать наличие утопических элементов в реалистических социальных экспериментах. Человеческое сознание в своей сложной иерархии содержит элементы творческого воображения, фантазии, мечтательности, иллюзий. Когда эти элементы начинают доминировать над здравым смыслом, перестают соотноситься с реальным предметным миром, становятся как бы ориентиром, следует говорить об утопических экспериментах. Воплощенный в утопических экспериментах общественный идеал приобретает форму иллюзорного, желаемого мира. Эмоционально-психологический уровень сознания доминирует над логикой и здравым смыслом. Речь идет не просто об идеальном, но и о желаемом состоянии общества или предмета. Утопист грезит не только о совершенстве, к которому он хотел бы прикоснуться: предмет для утописта совершенен и идеален. Утопия – желаемое устройство общества или личности в свете представлений об идеалах. Именно поэтому утопия всегда связана с определенными верованиями в истинность и осуществимость идеалов. Утопические эксперименты по преимуществу являются иррациональными, потому что в их основе лежит, прежде всего, неотрефлексированная вера (доверие) в совершенное со-

циальное устройство, а также потому, что на практике они влекут за собой непредвиденные и противоположные предшествующим рациональным ожиданиям последствия. Иррациональность – момент деятельности, являющийся по отношению к человеку неожиданным продуктом взаимоотражения субъекта и объекта, чувственная данность которого оказывается обратной исходным рациональным целям действующего человека¹. Содержание общественного идеала, воплощенного в реалистических социальных экспериментах, не лишено эмоциональной окраски. Но эмоциональный аспект не является доминирующим, он лишь фон, неотъемлемый элемент человека. Как свидетельствует история, утописты пытались реализовать свои проекты в ходе массовых восстаний и движений. Так было, например, в середине XIX в. в Китае, когда в стране разразилось тайпинское восстание, участники которого стремились создать «небесное государство великого благоденствия».

Другой путь – организация массовых выступлений и движений с целью реализации конкретной утопической программы. Таковым было возникшее в США в 90-х гг. прошлого века благодаря усилиям Эдварда Беллама и его сторонников движение так называемых национализаторов.

Третий путь – организация утопических общин (их называют коммунитарными экспериментами). Утопическая община представляет собой попытку реализовать жизненный идеал, порвав с историей, с реальным временем и пространством. Утопическая община ориентирует на такие цели, принципы и нормы, которые, отвечая представлениям членов общины о подлинном обществе, подлинных отношениях, не соответствуют господствующим в обществе целям, принципам, нормам².

Начало документирования истории утопических общин приходится на XVII в. Наибольшее развитие они получили в XIX в. в условиях обострения противоречий капиталистического общества.

Следы коммуникативных экспериментов мы обнаруживаем едва ли не во всех странах: в Англии, России, Германии и т. д. Но наибольшее распространение они получили в США. По подсчетам специали-

¹ Пивоваров Д. В. Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма // Отношение человека к иррациональному / под ред. Д. В. Пивоварова. Свердловск, 1989. С. 18–19.

² Баталов Э. Я. В мире утопии. С. 226.

стов, за период с 1787 г. по 1919 г. в этой стране было создано 270 коммун. Утопические общины воплощали разные социальные идеалы, различались по количеству членов, длительности существования и многим другим чертам.

Если взять XIX – начало XX в., то все существующие в данный период коммуны можно разделить на несколько больших групп. Это, во-первых, религиозно-сектантские утопические общины, которые возникают в США в первой половине XIX в. Сначала «Ефрата», несколько позднее община шейкеров, затем «Гармония», «Зоар», поселения гуттеритов и др. Вторую группу составляют утопические общины, которые можно назвать доктринальными, поскольку они ставили себе цель практического воплощения принципов конкретной утопической доктрины. Таковы прежде всего оуэнистские общины, возникшие в XIX в. в Англии и США. Типичные черты утопического мышления здесь обнажены до предела: полное игнорирование объективных условий; убежденность в том, что, овладев верными принципами, собрав волю в кулак, поставив благородную цель, можно творить чудеса; представление о возможности организовать жизнь исключительно на рациональной основе, изгнав из нее все случайное, иррациональное, нецелесообразное; надежда на быстрый успех; вера в возможность непротиворечивого, бескризисного развития исключительно по восходящей линии. Ориентация на разрыв с человеческой историей, стремление прорваться в какое-то иное, внечеловеческое, пространство – характерная черта утопий. Хотя икарийские общины продержались несколько дольше фурийеристских и оуэнистских (они прекратили свое существование лишь в 90-х гг.), они мало походили на то, о чем грезил автор «Путешествия в Икарию». Но были и утопические общины, которые не связывали свои планы по достижению счастливой жизни с реализацией провозглашенной философской и политической доктрины или религиозного учения. И таких было большинство. Они могли ставить перед собой самые разные цели, например, устроить на весь мир грандиозную коммуну, всех осчастливить (об этом мечтали российские интеллигенты XIX в., создавшие на черноморском берегу общину «Криница», которая просуществовала несколько десятилетий). Генри Тороили создал общину «Онейиду», члены которой мечтали перестроить свою жизнь на основе идеальных принципов, создать новые формы общежития, например, семьи.

Почему утопические коммуны получили наибольшее распространение именно в США? Очевидно, дело не только в том, что американские визионеры были более предприимчивы и даже утопии пытались воплотить в жизнь. (Отметим, что многие европейские утописты – такие, как Роберт Оуэн, например, нередко проявляли большую предприимчивость, чем их американские коллеги.) Просто в Соединенных Штатах существовали весьма благоприятные условия для утопических экспериментов. Идея создания коммунитарных поселений утопического типа, особенно на новых землях, хорошо вписывалась в концепцию колонизации Запада. К тому же сам характер заселения Америки представителями разных народов и культур делал ее более терпимой в религиозно-культурном отношении и тем самым более приемлемой для людей, придерживающихся «сектантских» (как в прямом, религиозном, так и в светском смысле) взглядов и ориентаций. Немаловажно и то, что американское правительство не чинило препятствий утопистам-экспериментаторам. Это видно на примере Роберта Оуэна, которому была дана возможность выступить с речью о своих взглядах в Конгрессе США.

Мы обозначили два вида социальных экспериментов. Рассмотрим их структуру и функции, определим различия. Если обратиться к философской литературе, то можно обнаружить, что большинство авторов традиционно, по аналогии с естественнонаучными экспериментами, выделяют в структуре социальных такие элементы: объект, субъект, гипотеза, проверка и контроль результатов. Пожалуй, в общем виде эта схема отражает целостную картину социального экспериментирования.

На наш взгляд, наиболее интересный и подробный анализ структуры реальных социальных экспериментов представлен Р. В. Рывкиной и А. В. Винокуром¹. Предложенная ими схема социального эксперимента представляет собой общую модель социального экспериментирования, в которой не обозначены специфические особенности ни утопического, ни реалистического эксперимента. Вот эта схема²:

1. Определение предмета экспериментального исследования:

а) предметы, не имеющие аналогов в сложившейся социальной реальности;

б) предметы, представляющие собой ту или иную информацию о существующих системах.

¹ Рывкина Р. В., Винокур А. В. Указ. соч.

² Там же.

2. Разработка программы проведения эксперимента:
 - а) разработка методики;
 - б) разработка плана создания экспериментальной ситуации.
3. Реализация программы эксперимента:
 - а) создание экспериментальной ситуации;
 - б) наблюдение и контроль.
4. Анализ и оценка результата.

При анализе и оценке результатов, чтобы получить факты, однозначность которых не вызывает сомнений, из суммарных изменений реакции социальной группы, возникшей в экспериментальной ситуации, необходимо выделить те, которые вызваны изучаемыми факторами. Результат социального эксперимента имеет двойственный характер: он одновременно реальный и познавательный, побочный и основной.

В философском аспекте структура реального социального эксперимента может быть представлена следующими элементами: а) социальный объект; б) субъект-исследователь; в) средства познания. В такой схеме просматриваются субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, имеющие специфические особенности в части принципов познания реальной социальной действительности. В основе и тех, и других отношений лежит принцип взаимоотражения и взаимодополнения, о чем мы уже говорили раньше. Здесь мы попытаемся представить целостную структуру реального социального эксперимента. Но это абстрактная схема структуры реального социального эксперимента, которая на уровне конструирования этапов наполняется конкретным смысловым содержанием, где и воплощается общественный идеал.

На общеполитическом уровне общественный идеал в виде схемы-образа фиксируется в цели субъекта-исследователя. Это может быть мыслительная схема-конструкция будущей социальной реальности, нового типа отношений между людьми, организациями, партиями и т. д.; это может быть общественный идеал в форме идеи, воплощенный впоследствии в форме программы.

Следующим условием движения общественного идеала на уровне его реализации является объективация общей схемы структуры реалистического социального эксперимента. Абстрактная цель трансформируется в конкретные реальные исследовательские программы. Идея-идеал объективируется, наполняется конкретным содержанием, в котором воплощены реальные устремления и жизненные потребности людей, касающиеся преобразования социальной действительности. Мы

утверждали, что сознание утописта-исследователя рефлексивно, иллюзорно, вневременно, внеисторично. Для субъекта-исследователя в реальных социальных экспериментах важнейшим условием успешной реализации поставленной задачи является соизмеримость потребности в преобразовании некоторого фрагмента социальной действительности с реальными возможностями и реальной необходимостью. Уже в самой возможности выбора есть противоречие между реальным и возможным, необходимым и действительным. Основным условием формирования и реализации реалистического социального эксперимента является его гуманизация, т. е. направленность на человека, его устремления и желание преобразовать социальную действительность в соответствии с реальными возможностями и закономерным эволюционным движением общества к прогрессу.

С одной стороны, положительный результат реального социального эксперимента обеспечен в случае, если эксперимент вписан в объективный закономерный ряд эволюционного движения общества, т. е. своей целью и реализацией данной цели, а также воплощением в цели общественного идеала не противоречит объективному движению общества. Реальная цель отражает реальные возможности субъекта преобразовывать окружающий мир, определенные связи и отношения, объективировать свои потребности в соответствии с адекватным отражением объективного мира.

С другой стороны, реалистический социальный эксперимент обеспечивает себе положительные результаты в случае непротиворечия естественной человеческой природе, внутренней свободе выбора того образа жизни, который определяет для себя субъект. Речь идет о том, что предлагаемая субъектом-экспериментатором модель нового образа жизни в случае несовпадения с желанием объекта, нарушения его внутренней воли, сложившегося стереотипа жизнедеятельности не будет реализована, попросту провалится.

Необходимо, на наш взгляд, учитывать вышеназванные условия подготовки и реализации социальных экспериментов.

В общем виде можно выделить 4 этапа проведения реалистического социального эксперимента:

- 1) выдвижение исследовательской программы;
- 2) выбор эталонного объекта;
- 3) реализация исследовательской программы;
- 4) анализ реальных результатов.

Рассмотрим их более подробно:

1) На этапе выдвижения исследовательской программы в целостном виде находит воплощение конкретная форма общественного идеала. Как мы говорили, это может быть идея совершенствования определенного фрагмента социальной действительности, конструирования новых экологических, политических, социально-психологических, педагогических и других отношений. Существует множество самых разных типов, форм реальных социальных экспериментов. В каждом конкретном случае формируются свои цель и задача, которые впоследствии получают воплощение в каждом действии экспериментатора. Общим для первого этапа всех реальных экспериментов является то, что исследовательская программа аккумулирует в себе первоначальный теоретический базис, жизненный опыт субъектов-исследователей, научно обоснованную цель (включая анализ последствий каждого последующего шага в реальном социальном эксперименте). Для субъекта-исследователя, в отличие от субъекта-экспериментатора естественно-научного эксперимента, важно знать и понимать, что объект в социальном эксперименте способен к саморефлексии, обладает знаниями и жизненным опытом, поэтому уже в самом начале эксперимента субъект-объектные отношения имеют диалогичный характер и могут трансформироваться в субъект-субъектные.

2) На этапе выбора эталонного объекта должны быть соблюдены два условия проведения реальных социальных экспериментов: произвольность создания необходимых условий для реализации программы в контрольной группе и приоритетность субъект-объектных отношений в их классическом виде. Одной из особенностей данного этапа является ориентация контрольной группы на эталонный объект как наиболее совершенное качество предмета или группы предметов, выражающее сущностное отношение реальных либо мысленных отношений и связей. Эталонный объект представляет собой мысленную или реальную модель, в наиболее адекватной форме (в отличие от утопических моделей будущей социальной реальности) отражающую нормы, связи, отношения предметного мира. На этапе выбора контрольного объекта мысль субъекта-исследователя находится в постоянном поиске оптимального варианта соизмеримости эталонного объекта с реальным социальным, который по устраивающим субъекта-исследователя

параметрам впоследствии становится контрольным объектом, т. е. той социальной группой, коллективом, где будет реализовываться программа.

3) На этапе реализации исследовательской программы происходит наиболее динамичное осуществление субъект-объектных и субъект-субъектных связей. Если на предыдущем этапе ориентация на эталонный объект носила пассивно-наблюдательный характер, то здесь мы видим активно-творческий потенциал участников эксперимента. В ходе реализации программы происходит активное движение обеих сторон эксперимента – субъекта-исследователя и социального объекта. Происходит корректировка тех аспектов исследовательской программы, которые противоречат двум условиям реальных социальных экспериментов. Возрастают роль и значение индивидуального подхода, общение между участниками эксперимента и исследователями носит содержательный, а не формальный характер.

4) На этапе анализа и оценки реальных результатов происходит интерпретация фактического материала. Человеческие действия и поступки невозможно предугадать, спланировать предельно точно. Возникшие в ходе реализации эксперимента неожиданные ситуации, требующие анализа и последующего принятия решения, возможно, изменяющего первоначально сформулированную цель, отражают специфическую особенность взаимоотношения субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Реакции человека на попытки изменить сложившиеся отношения, социальные связи могут быть самыми неожиданными, даже в случае хорошо подготовленного, теоретически обоснованного эксперимента. Анализ причинно-следственных связей в эксперименте подразумевает безусловное следование динамике изменяющихся социальных связей и отношений. В то же время, человеческая реакция непредсказуема. Поэтому в ходе эксперимента обязательно возникают ситуации, которые дают не только основные, но и побочные результаты. На наш взгляд, спектр полученных реальных результатов может быть самым разнообразным и неожиданным. Проанализировать их и дать соответствующую оценку – задача субъекта-исследователя. По мнению А. А. Хагурова, «...процесс движения от цели к результату деятельности интерактивен. Он испытывает влияние многих внешних факторов»¹. Специфические особенности реалистических экспери-

¹ Хагуров А. А. Социальный эксперимент... С. 92.

ментов можно выявить, рассмотрев их функции. А. П. Куприян, освещая данный вопрос, не называет конкретные функции реалистических социальных экспериментов, однако говорит, что эксперимент должен¹:

- служить критерием для проверки истинности теоретических положений;
- быть одним из наиболее эффективных средств обнаружения и исследования причинных и других связей в мире объективной реальности;
- обнаруживать и уточнять новые факты действительности, способствуя тем самым развитию научных теорий;
- служить важным звеном в выработке наиболее оптимальных механизмов управления процессами в природе и обществе.

На наш взгляд, можно выделить три основные функции реалистических социальных экспериментов:

- 1) познавательно-информационную;
- 2) диагностическую;
- 3) прогностическую.

Главным назначением реалистических социальных экспериментов является познание социальных связей и отношений. На основе полученных знаний строится деятельность по творческому преобразованию отдельных сторон реальной действительности. Познавая, мы получаем определенную информацию, на основе которой происходит понимание целесообразности либо нецелесообразности реализации предполагаемой модели социальных связей и отношений. Познавательно-информационная функция определяет в дальнейшем вопрос об экстраполяции реалистических социальных экспериментов, дает возможность получать такого рода информацию о разных проявлениях поведения различных социальных групп, необходимую для построения научных теорий, которая иными методами не может быть получена.

Диагностическая (от гр. *diagnostikos* – способный распознавать) функция реалистических социальных экспериментов тесно связана с познавательной. Ее суть – в анализе состояния социальных объектов и процессов, в выявлении проблем их функционирования и развития. В социологии есть понятие «социальная диагностика»². Наибольшее развитие социальная диагностика получила в практике управленческого

¹ Куприян А. П. Проблема эксперимента в системе общественной практики. С. 90.

² Краткий словарь по социологии. М., 1988. С. 81.

консультирования. Здесь она предполагает комплексное обследование состояния дел в организации с целью обнаружения ее «болевых точек». Одним из методов исследования, активно используемых в данном случае, является социальный эксперимент. К «болевым точкам» относятся организационные противоречия (по горизонтали и вертикали внутри организации, в отношениях с внешней средой – отраслью, городом и т. д.), трудности (помехи, нехватка), неопределенности в целях, связях, нормах и т. д. Эксперимент позволяет обозначить так называемое проблемное поле диагностируемого объекта, т. е. сформировать схему выявления в нем проблем.

Реализация прогностической функции реалистических социальных экспериментов подразумевает определение возможных последствий намечаемых социальных мероприятий, дает возможность заглянуть в будущее посредством конструирования перспективных форм общественной деятельности¹. Прогностическая функция направлена на анализ ближайших и более отдаленных социальных последствий принимаемых решений, нацеленных на совершенствование различных сторон жизни общества, имея в виду повышение научной обоснованности и эффективности социального программирования, планирования, управления. Социальный эксперимент как форма творческо-преобразовательной деятельности, инновационной практики нацеливает на разработку научного прогноза в виде вариантов, альтернатив развития, которые описывают возможные формы и проявления, темпы развертывания процессов с учетом управляющих воздействий, а также качественных изменений, в чем и реализуется прогностическая функция эксперимента.

Построение элементов в утопическом эксперименте, на наш взгляд, существенно отличается от построения в реалистическом эксперименте. Кроме того, сами элементы утопического эксперимента иные, поскольку существуют принципиальные различия между реалистическими и утопическими экспериментами. Общая схема структуры утопического и реалистического эксперимента выглядит следующим образом: субъект – средства освоения социальной действительности – социальный объект. В любом эксперименте есть субъект, объект и средства познания и освоения социальной реальности. В утопическом экс-

¹ Яцкевич С. А. Социальный эксперимент как форма научного творчества // Методологические аспекты научного познания и социального действия / Философ. о-во России. Минск, 1985. С. 105.

перименте субъект предстает как организатор-исследователь освоения новой социальной реальности, мысленно конструируя модель коммуны. Социальный объект – коллектив людей, желающих быть участниками создания воображаемого социума. Создавая коммуны, желая уйти от реальной жизни, ее противоречий, трудностей, участники эксперимента разделяют утопические идеи субъекта эксперимента, становясь со-участниками и созидателями новой социальной реальности. Здесь в процессе сотворчества новой модели социума происходит переплетение субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Вообще, на наш взгляд, в утопических социальных экспериментах нет строго детерминированной схемы упорядочивания элементов структуры – такой, как, скажем, в научных экспериментах, в том числе, в реалистических социальных экспериментах. Вряд ли объединение в коммуны на основе идеи создания лучшего общества мыслилось его организаторам как утопический эксперимент. Скорее, был определенный способ видения, а затем и освоения социальной реальности. Но несомненным представляется одно: данный феномен существовал и существует; следовательно, он требует определенного анализа и оценки.

Мы уже рассмотрели ранее последовательность этапов реалистического социального эксперимента. Анализ утопических экспериментов наводит на размышления о наличии у них не этапов и их строгой последовательности, а определенных жизненных циклов. Об этом же, т. е. об определенных фазах утопических экспериментов, пишет Э. Я. Баталов¹. Первая фаза – принятие решения о создании общины. Она нередко является итогом долгих дискуссий и сопровождается высоким эмоциональным подъемом. Так, одна из активисток русского коммунитарного движения 70-х гг. XIX в. вспоминала: «Ночи напролет шумели, яркие картины рисовались перед нашими взорами. Увлечение так охватило всех, что когда заявили о необходимости сделать предварительный опыт коммунической жизни и для этого собрать средства, то на стол начали бросать все, что у кого было. Виардо сорвала часы, брошь, кольца. Бларамберг – серьги, все деньги из кошелька. Кто-то принес турецкую шаль. А у одной курсистки ничего не было в наличии – она немедленно отправилась к парикмахеру, срезаала свои чудесные волосы и внесла свою лепту в 3 р.»².

¹ Баталов Э. Я. В мире утопии. М., 1989. С. 78.

² Там же.

Вторая фаза в становлении коммуны – организация общины и координация усилий, обеспечивающих первичное становление нового коллектива. Это часто было сопряжено с организационными трудностями и даже чисто физическими испытаниями, связанными с мобилизацией финансовых средств, выбором места поселения, покупкой земли и переселением – особенно когда предстояло, перебираясь из Европы в Америку, пересечь Атлантический океан. Иные общины, как, например, икарийцы, сразу же попадали в трудное положение. Однако даже в этих условиях зерна будущих конфликтов еще не давали всходов и ради завтрашнего счастья все готовы были на какое-то время смириться с острыми проблемами, конечно же, временными.

Однако раньше или позже наступала третья фаза – регистрация отклонений от признанного социального идеала, тщетные попытки преодолеть разногласия и раздоры. Причины их были разнообразны: несоответствие реального жизнеустройства принципам референтной доктрины; отсутствие средств; разногласия по поводу дальнейшей стратегии; борьба за власть; ревность, особенно в тех общинах, над которыми витал дух свободного эроса, и т. п. Иногда распри завершались соглашением спорящих сторон и миром – до новой вспышки раздоров. Но нередко случалось и так, что соглашения добиться не удавалось, и тогда наступала фаза реорганизации, которая часто заканчивалась расколом и отпочкованием новых общин, порывавших порой радикальным образом с материнской. Бывали случаи, когда коммуна переживала повторный раскол и отпочкование. Так произошло, например, с икарийской (кабетистской) общиной в Америке, история которой весьма драматична. В 1860 г., после первого раскола, Кабе был исключен из общины и вместе со своими единомышленниками в количестве 180 человек покинул «Икарию» и обосновался в Сент-Луисе, где вскоре умер. После ряда перипетий его сторонники создали новую коммуну в Челтенжеме, недалеко от Сент-Луиса. Коммуна начала было становиться на ноги, но история повторилась. «Большинство, состоящее в основном из старых членов, хотели иметь лидера, облаченного диктаторской властью, в то время как молодые элементы защищали демократическую форму правления. Борьба закончилась полной победой консервативных элементов, и потерпевшее поражение меньшинство в числе 42 человек вышло из общины. Уход стольких

работоспособных людей был для юной общины тяжелым ударом, от которого она уже никогда не смогла оправиться»¹.

Расколы продолжали преследовать и ту часть икарийцев, которая осталась в Науво после ухода Кабе, а затем переселилась в Корнинг, штат Айова. И здесь линия раскола формально пролегла между молодыми и «стариками», которые, с точки зрения первых, отошли от провозглашенных ими же принципов и действовали неэффективно. И здесь дело, в конце концов, кончилось ссорой и разрывом, следствием чего стало появление новой общины.

Существуют и существовали утопические общины, где реорганизация и отпочкование не свидетельствовали о кризисе. У гуттеритов, самой стабильной из религиозно-утопических общин, существовавших когда-либо, отпочкование происходит каждые пятнадцать лет.

Историю раскола или отпочкования той или иной общины можно продолжить, но это предмет особого разговора. Нас интересует в общем виде исторически сложившийся цикл жизни утопических общин, отражающий последовательность реализации общественного идеала. Как мы убедились, схемы этапов утопических и реалистических социальных экспериментов принципиально различны.

Подводя итог, приведем слова Э. Я. Баталова: «Где-то в той или иной общине те или иные утопические идеалы получали практическую реализацию. Но... во-первых, эти идеалы были реализованы в ограниченных пространственно-временных масштабах. Во-вторых, они не привели к созданию стабильного утопического альтернативного мира. Наконец, и это, быть может, самое важное, ни в одной из общин не удалось добиться того (пусть в ограниченных масштабах, пусть даже на короткое время), чтобы все названные идеалы получили одновременное осуществление, чтобы они были реализованы как целостные системы»².

Там, где был достигнут экономический достаток, как, например, у аманитов, гуттеритов или рапиистов, духовная жизнь (за исключением ее религиозного аспекта) оставалась на низком уровне и ни о какой гармонически развитой личности не могло быть и речи. Там же, где много внимания уделялось формированию этой личности и вопросам воспитания молодого поколения на новых гуманистических принципах, где царил духовный мир, как это было в «Брук Фарм» или «Но-

¹ Хилкуит М. История социализма в Соединенных Штатах. СПб., 1907. С. 95.

² Баталов Э. Я. В мире утопии. С. 246.

вой Гармонии» – там ведение хозяйства оставляло желать много лучшего, что в конечном счете подтачивало устои общины и вело ее к распаду. Целостного идеала – идеала гармонически развитой личности в свободном, экономически и культурно процветающем мире – не удалось реализовать никому.

Остановимся на функциях утопических экспериментов. Мы говорили, что существующие два класса социальных экспериментов имеют свои специфические функции. Но есть один момент, который в равной степени присущ и реалистическим, и утопическим экспериментам. Речь идет о проектировании образа будущей реальности. Конечно, сам процесс построения будущей социальной реальности и, следовательно, общественного идеала, воплощенного в ней, носит характер желаемого общества в утопических экспериментах и возможного и вероятного построения образа будущей социальной реальности в реалистических. Речь идет о том, что двум классам социальных экспериментов свойственна конструктивная функция. Но есть функции, которые свойственны только утопическим экспериментам и определяют их специфику. Мы выделили две такие функции: критическую и компенсаторную.

Возникновение такого феномена, как утопические общины, в целом обусловлено особенностями господствующего в данном обществе государственного строя. Недовольство определенной группой людей существующим строем приводит их к мысли о переустройстве, изменении общественного порядка, своеобразном бегстве из реального общества в общество желаемое.

Другой специфической функцией утопических экспериментов является компенсаторная. На это обращал внимание русский правовед П. И. Новгородцев: «Для нуждающихся и обремененных, для бедных тружеников земли нужны впереди светлые перспективы, и эти перспективы даются в образе ожидаемого совершенства жизни. Усталые путники на жизненном пути, люди ищут отдохнуть и забыться в сладких мечтах о счастье, пережить хотя бы в воображении это блаженное состояние, где нет более ни борьбы, ни тревог, ни тяжкого изнурительного труда»¹.

Но утопия не просто утешает. Она вселяет надежду, наделяя казалось бы потерявшее смысл существование новым смыслом. Она как

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. С. 25.

бы компенсирует, дополняет ущербный мир, позволяя совершить или обрести в воображении то, что невозможно обрести или совершить в реальной жизни. Это хорошо показано Мортонем на примере одной из английских утопий XVII в., а именно книги «Описания Нового Света» Маргариты Кэвендиш, герцогини Ньюкаслской, в которой она рассказывает, как быстро завоевывает симпатии обитателей Сияющего мира и становится императрицей, т. е. достигает всего того, чего никак не могла добиться в реальной жизни. «Благодаря непревзойденной бесхитростности этой утопии, – пишет А. Л. Мортон, – очень скоро становится ясно, что все фантазии здесь всего-навсего компенсация за поражение. В изгнании Маргарита Кэвендиш мучительно переживала унижение ее знатного рода, лишение богатства и ощущала ненависть к победоносной Республике. Эта эксцентричная, старомодная женщина – “синий чулок” – служила мишенью насмешек распутных царедворцев, окружающих Карла II за границей. И вот в отместку она произвела себя в императрицы несуществующей страны, осыпала себя в мечтах бриллиантами, позволяя себе высмеивать или изгонять тех, кого она ненавидела или была неспособна понять. По этому пути, – добавляет Мортон, – пошел и Джонатан Свифт – всю разницу создает лишь обаяние его гения»¹.

Элемент компенсации и утешения содержится едва ли не в каждой утопии, ибо рождение редкого утопического проекта не сопряжено со страданиями, неудовлетворенностью существующим обществом, с переоценкой ценностей, с ощущением утраты – частичной или полной – смысла собственного существования и жгучей потребностью обрести надежду на возрождение этого смысла в воображаемом бытии.

Таким образом, мы остановились на структуре и функциях утопических экспериментов. Мы пришли к выводу, что утопические эксперименты составляют особую, специфическую группу социальных экспериментов. Анализ утопического сознания, своеобразно отражающего реальную социальную действительность, раскрывает сложность, уникальность такого явления, как утопия, утопический эксперимент. Утопический идеал служил, таким образом, эталоном, предназначенным для того, чтобы сверять с ним практически ориентированные про-

¹ Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956. С. 123.

екты или для демонстрации несовершенства существующих обществ и указания тех направлений, в которых надлежит действовать в повседневной жизни.

Другую группу социальных экспериментов мы условно определили как реалистические социальные эксперименты. Главная особенность данной группы экспериментов – познавательно-информационный характер, направленность на приращение нового социального знания. Важнейшей функцией реалистических социальных экспериментов является диагностическая, т. е. выявление проблем функционирования и развития социальных связей и отношений, анализ состояния социальных объектов и процессов.

Не смотря на выделение двух классов социальных экспериментов необходимо признать, что эксперимент – это абстракция, для которой есть некоторые основания; на деле же в каждом социальном эксперименте есть моменты утопии и реальности, но в разном соотношении.

Глава 3. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УТОПИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И УТОПИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В предыдущей главе речь шла о классификации социальных экспериментов – об их разделении на утопические и реалистические. Такая классификация необходима нам для обозначения разнонаправленности цели и функций социального эксперимента как системы познавательной, поисковой, с одной стороны, и направленной на освоение новой социальной реальности – с другой.

Но анализ конкретно-исторических форм социальных экспериментов показывает: условно названный нами класс утопических экспериментов обладает совершенно очевидно реалистическими чертами; в классе же реалистических социальных экспериментов столь же очевидно мы обнаруживаем утопические черты, а потому остановимся более подробно на диалектике утопического и реалистического в социальных экспериментах.

3.1. Реалистическая составляющая утопического эксперимента

Появление новых форм общественной жизни коренится в практических потребностях людей, в противоречиях их реальной жизни, порождающих более или менее осознанные и теоретически осмысленные намерения, проекты и программы. Мы рассмотрели новые формы общественной жизни – это утопические и реалистические эксперименты, определив критерии их различия, функции, их идейную и познавательную основу. Еще раз подчеркнем, что в основе реалистических экспериментов лежит необходимость инноваций, изменения, совершенствования общественных отношений, исходя из конкретно-практических, реальных потребностей и интересов людей. Утопический же социальный эксперимент как новая форма жизнедеятельности субъектов в основе своей содержит субъективно-идеалистическое представление (образ) о новой социальной реальности и желание навязать этот образ реальной социальной жизни. Отсюда образование различных коммун,

общин, стремление уйти от реальной действительности, противоречий реальной жизни, подняться над настоящим, создав модель будущего микромира. Анализ конкретных утопических экспериментов приводит к выводу, что в утопическом эксперименте есть черты реалистического. Обратимся снова к израильским киббуцам. Создавалась коммуна киббуцев в соответствии с тем идеалом, который был типичным для многих утопических экспериментов: равенство для всех членов коммуны, общая собственность, общее жилище. В 1910 г. десять парней и две девушки, выходцы из России, положили основу сельскохозяйственной общине в долине Иордана на берегу Галилейского озера. Это была «Дгания» – первое киббуцное поселение, «мать» киббуцев. В основе организации киббуцев лежат принципы коллективной воли: каждое решение обсуждается так долго, как требуется для полного согласия всех; отсутствие денег и личного имущества; строгая добродетельность, доверие и поочередное занятие всех должностных мест. Цель – создать «страну», в которой все могли бы чувствовать себя дома. «Конечно же, это социалистическая, даже коммунистическая, ячейка, почти такая же, как она была описана в социалистических утопиях, – говорит один из старейших киббуцников Бен Саул. – Помните сны Веры Павловны в романе Чернышевского “Что делать?” Мы их осуществили».

Основатели киббуций жили в палатках, рыли первые колодцы, сажали первые деревья. Все начиналось с упорного, фанатичного, многолетнего труда, который в конце концов превратил песчаные дюны в цитрусовые сады, исторг из песка и пашней хлеб, фрукты, овощи. «Вторая алия», т. е. иммигранты второй волны, прибыла снова из России. Это были юноши и девушки из «черты оседлости» Российской империи, среди них много учащихся старших классов и студентов, подвергавшихся гонениям со стороны царских властей за свои симпатии к революционному движению. Они не были приучены к тяжелому физическому труду, и это тоже стало одной из причин, почему они избрали для себя путь коллективного труда.

Подробное описание начала становления киббуцев как утопической общины необходимо нам для иллюстрации вывода, что в основании утопических экспериментов, несомненно, лежат некоторые реалии, реалистические моменты, что фиксирует предметно-практическую реальность как онтологическую основу утопического идеала.

Рассмотрим далее реалистический аспект в содержании идеологии киббуцев. На наш взгляд, функционирование киббуцев более семидесяти лет на израильской земле обусловлено в значительной степени тем, что киббуцы как социальный эксперимент носят характер единичного социального явления, имеющего собственные, уникальные свойства и структуру. Попытка экстраполировать единичное на всю социальную действительность (в данном случае на все государство Израиль) качественно изменило бы свойства и черты единичного явления, растворив в общем ту определенность, которая присуща лишь единичному явлению.

Киббуцы – это лаборатория, это эксперимент, очень важный для всех. Принципы организации жизнедеятельности людей в киббуцах отражают реальные, объективно существующие потребности и интересы субъекта; социальные связи и отношения сконструированы соответственно реальной практике, совершенствуются и изменяются соответственно реальным потребностям людей. Практический опыт, накапливаемый в киббуцах, дает основание для последующего осмысления роли социального эксперимента как специфического способа предметно-практического инновационного преобразования социальной действительности.

На наш взгляд, реалистическая составляющая утопического эксперимента обусловлена объективностью протекающих в нем закономерностей. Поясним данную мысль. Всякий социальный эксперимент только тогда остается экспериментом, когда является единичным, качественно определенным явлением. Но всякое единичное социальное явление функционирует по определенным объективным законам, являясь микромоделью целой социальной системы, развивающейся тоже по определенным объективным законам; целое и часть взаимодействуют. В случае несовпадения функционирования объективных связей и закономерностей части и целого нарушается единство всей социальной системы, социальный эксперимент как единичное теряет свою качественную определенность; жизнедеятельность в коммунах угасает по мере ослабления объективных связей. «Любой из экспериментов может быть осуществлен, пока это укладывается в общую тенденцию и никому не вредит», – говорит М. Вартофский¹.

¹ Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание. М., 1996. С. 134.

Реальная жизнедеятельность в киббуцах обусловлена объективными законами целостной социальной системы, что определяет ее относительную долговечность.

Киббуцианское движение – массовое движение, существующее уже свыше семи десятилетий. Оно хорошо организовано, имеет свои школы, свои печатные органы и даже свой университет. Труд киббуцников лежит в основе современного Израиля в первые десятилетия существования государства; выходцы из киббуцев в Израиле часто занимали высшие должности. Религиозных киббуцев в Израиле мало, около пятнадцати из примерно двухсот пятидесяти поселений. Во всех остальных киббуцах живут сторонники левых идей и левых партий, они, как правило, атеисты. Ведение хозяйства и принципы управления во всех киббуцах одинаковы, но в одних построены синагоги, а в других – клубы, театры, спортивные залы. В синагогах не только молятся, но и ведут дискуссии о Раше и Рамбаме, о спорных вопросах в толковании Библии и Талмуда, а в иных левых и ультралевых киббуцах вы услышите лекции об учении Маркса, о Ленине, о современных проблемах социализма. Все это Израиль, где много смешалось, переплелось. Вот что рассказывает один из журналистов, побывавших недавно в киббуце «Эйн Ахораш» на севере Израиля. «В какой бы киббуц я не приезжал, мне показывали одно и то же. Прежде всего, просторный цветущий сад с экзотическими деревьями и растениями, с зелеными полянами, застроенными маленькими уютными домиками по три или четыре в ряд, перед каждым из них – небольшая терраса и свой крохотный садик, засаженный кактусами и цветами. В этих домиках живут члены киббуца, у каждого свой домик, точнее, своя отдельная квартира, как правило, небольшая, чаще всего двухкомнатная, обставленная по вкусу хозяина. Квартирки все современные, с ваннами и санузлами, но без кухни – их заменяют небольшие газовые или электрические плиты, установленные в прихожей, в нише коридора. Необходимости в своей кухне, как мне объяснили, не ощущается, во-первых, потому, что киббуцники обычно питаются в столовой киббуца, где пища не отличается от домашней, и, во-вторых, еще потому, что дети не живут в этих квартирках вместе с родителями, а в отдельных, прекрасно оборудованных домах-интернатах, расположенных поблизости в том же общем саду. Каждый из этих интернатов рассчитан на определенный возраст, год за годом дети переходят из одного дома

в другой, и так вплоть до своего совершеннолетия. Потом мне показывали общественные постройки – столовые, библиотеки, мастерские, площадки для игр и спортивных занятий, клубы с просторными зрительными залами, вертящимися сценами и другим современным оборудованием. Эти постройки поражали иногда своими размерами, ультрасовременной архитектурой, фресками и скульптурами, созданными местными художниками-любителями. Следующими объектами для осмотра обычно были фабрики, мастерские, лаборатории, существующие в каждом киббуце и производящие семь различных изделий – от бочкотары и мебели до электронных схем и фармацевтических товаров. Индустриальный сектор в киббуцах стал необходим после того, как сельскохозяйственное производство себя исчерпало, оно давно ведется интенсивным способом и, так как земельных резервов нет, появилась индустрия, которая развивается вполне успешно, хотя и создает множество проблем»¹.

Подробное описание жизнедеятельности субъектов в израильских киббуцах необходимо нам для обоснования тезиса о существовании реалистической составляющей в утопических экспериментах.

Объективно существующая предметно-практическая деятельность субъектов в коммунах реально изменяет и совершенствует бытие как каждого субъекта, так и всей коммуны. Наличие реалистической составляющей в утопическом эксперименте свидетельствует о сложной структуре данного социального явления, отражающей действительный мир во всем его многообразии. Киббуцы по своей сущности все же остаются утопическим социальным экспериментом.

Во-первых, потому, что воплощенные в цели киббуцников идеалы носят утопический характер. Образ будущей социальной реальности сконструирован, исходя из субъективно-идеалистического представления о реальной жизни; попытки реализовать утопические идеалы о равенстве всех граждан, общности собственности на землю, личное имущество, производство и потребление некоторое время, несомненно, удавались, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры. Но существуют факты, свидетельствующие о том, что киббуцы давно перестали расти. Одни называют киббуцы новым гетто или гетто богачей, другие обвиняют их в том, что они изолировали себя от ос-

¹ Богданов Р. Г. Незнакомый Израиль // Аргументы и факты. 1989. № 46. С. 3.

тального Израиля, третьи говорят, что эти новые богачи – эксплуататоры и живут за счет государственных субсидий. В киббуцах проживает три процента населения Израиля; молодые люди, родившиеся и воспитанные в киббуце, нередко уходят из киббуц, как только достигают совершеннолетия – жизнь в киббуце их больше не удовлетворяет, у них другие желания и потребности. Существует нечто такое, что почти всякому человеку дороже любых его выгод: собственное вольное и свободное «хотение», даже собственный каприз, своя фантазия – самая выгодная для него выгода.

Второй аргумент органически связан с первым. Киббуцы как коллективистский эксперимент, по своей сути, является искусственной формой жизнедеятельности людей – так же, как и другие социальные утопические эксперименты. Утопический идеал сознательно реализуется в социальной практике, происходит трансформация реальных представлений о жизни через создание у субъектов образа будущей социальной реальности. Образа, скорее, желаемого будущего, наделенного свойствами творческой фантазии субъектов. Отсюда игнорирование конкретно-исторического движения социальных процессов, естественной направленности пространственно-временных параметров, стремление опередить естественный ход событий через реконструкцию прошлого либо искусственное конструирование будущего.

Но историю, как и природу, обмануть нельзя. Утопическое в форме мысленных идеалов вступает в противоречие с тем реальным процессом жизнедеятельности субъектов, который выступает в форме предметно-практических преобразований во вновь созданном социуме. Можно иначе сформулировать данное противоречие как противоречие между утопическим и реалистическим в социальном эксперименте.

Длительный и необычный социальный эксперимент – миссионерская деятельность членов Ордена Иисуса в Парагвае. Государство Иезуитов просуществовало более 150 лет. Если рассматривать длительность как категорию исторического времени, то она есть выражение концентрации противодействия утопического и реалистического. В рассмотренном выше примере – израильских киббуц – реалистическое начало выражено сильнее: оно поглощает утопическое, которое скрыто за внешней материальной деятельностью субъектов.

Интересную страницу в истории утопических экспериментов в России описывает А. И. Клибанов в книге «Народная социальная утопия

в России». Автор показывает, что в самой утопической идее народных мыслителей отражена действительная реальная жизнь конкретного русского поселения, идеализированная в соответствии с общими представлениями о добре, правде, справедливости¹.

Идеал правды в народном сознании выступал не только как этический, но и как социальный идеал. «Отыскать правду всегда то туманнее, то яснее значило “сотворить новый свет”»². Источником, питающим утопическое сознание народных мыслителей, являлось христианство апостольских времен в качестве идеала, образца, модели для жизни верующих, как бы тому ни противоречила действительность. Община была православной. В аспекте психологическом для членов общины было важно, что дело, которое они осуществляли, продиктовано не самоумилением их, не гордыней, а является восстановлением того, что некогда уже существовало и освящено именем Христа, и что таким образом они лишь возвращаются к исходным, исконным началам веры и жизни.

Диалектика жизни такова, что противодействие утопического и реалистического в социальном эксперименте объективно ведет к противоречию; в самом социальном эксперименте вследствие данного противоречия происходят неизбежно структурные изменения, нарушается целостность всей конструкции, отдельные элементы поглощаются социальной системой, растворяясь в ней, другие же становятся историческим опытом в форме социального знания.

Таким образом, анализ содержания утопического социального эксперимента приводит к выводу о наличии в нем реалистической составляющей, выражающей объективность существующих в утопических экспериментах социальных связей и отношений.

3.2. Утопическая составляющая реалистического эксперимента

Анализ содержания социальных экспериментов показывает, что чистых социальных экспериментов нет: существуют различные типы и модификации социальных экспериментов; выполняемые ими функции направлены на реализацию воплощенного в целях и задачах соци-

¹ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М., 1978. 690 с.

² Там же. С. 48.

ального идеала, развивающегося вместе с социальной реальностью и теми общественными силами, которые открывают и моделируют его. Общественный идеал – воплощение тех намерений и желаний субъекта, которые он хотел бы осуществить и реализовать, абстрагируясь от объективной социальной действительности, основываясь на опережающей функции сознания. Создаваемые субъектом образы будущей социальной реальности, несомненно, детерминированы объективной социальной действительностью. Но несомненным является также то, что элемент фантазии, мечты органически вплетены в мыслительный процесс создания образа абстрактного социума, т. е. применительно к нашей теме, речь идет об утопической составляющей реалистического эксперимента. Утопическое измерение всегда было присуще общественному сознанию и культуре. Противоречия общественного бытия и порождаемые ими критический дух, присущий всем стадиям социального развития, стремление преодолеть существующие границы научного знания и заглянуть в такие пространственные и временные пределы, о которых наука не может сказать пока ничего определенного, потребность в эстетическом освоении мира и воссоздании его человеком в своих творениях по законам красоты неизменно обуславливают воспроизводство утопического сознания, усиливают утопическую традицию.

Итак, утопические традиции в социальном развитии переплетаются с реалистическими, вступая в противоречие, порой непримиримое. Две эти тенденции общественного развития никогда не будут равновелики, тождественны, они всегда противоположны, их сущностные и глубинные характеристики слишком разные, развитие связей и отношений определяется собственными, специфическими, законами.

Утопическая составляющая реалистического эксперимента представлена теми формами сознания и практического действия, которые способны создавать иллюзию идеального преобразования социальных связей и отношений, умозрительного конструирования будущего социума, не отражая реального действительного положения в обществе. Рассмотрим пример с молодежно-жилищными комплексами. На наш взгляд, МЖК – пример реалистического социального эксперимента; по типу представленных в нем структурных элементов, по форме реализации цели – это, скорее, инновационный социальный эксперимент, т. е. представляющий собой диагностику новшества, пробное нововведение.

На начальном этапе МЖК действительно представляли собой социальный эксперимент со всеми присущими ему атрибутами: познавательный характер задач и целей, новаторское, т. е. качественно иное, структурное построение социальных отношений и связей в процессе реализации цели, локальность и единичность данного социального феномена и многое другое.

Но необходимо отметить, что уже в самой цели МЖК были обозначены утопические идеи, ориентированные на коммунитарность образа жизни, коллективистские принципы организации жизнедеятельности субъектов, выражающиеся в совместном отдыхе, разделении, занятии спортом, обменом информацией и т. д. Утопический элемент заключается, на наш взгляд, еще и в том, что организаторы данного социального эксперимента попытались изолироваться от остальной социальной реальности, установив собственные законы бытия и деятельности, создав сообщество субъектов в конкретной ситуации. Но реальность такова, что утопические идеалы и практические действия на определенном этапе их реализации вступают в противоречие с действительной социальной реальностью. Умозрительные, субъективистские произвольные конструкции социума не находят опоры в реальной жизни общества, поэтому рушатся; реалистическое начинает доминировать над утопическим. В этом состоит диалектика утопического и реалистического в социальном эксперименте. Когда предлагается, абстрагируясь от социальной реальности, взять за отправную точку произвольно заданную цель и в регрессивном порядке вывести условия и средства ее достижения – это опасный путь.

Но речь идет в данном случае об утопической составляющей реалистического социального эксперимента, выраженного в реализации утопических, искусственных принципов построения жизнедеятельности субъектов. Конечно, само реальное существование МЖК – явление достаточно конкретное, естественное в рамках конкретного общества, а потому вписывающееся в реальную действительность. И впоследствии, когда МЖК становится не единичным, а довольно распространенным явлением, он, на наш взгляд, теряет статус социального эксперимента.

Анализ содержания реалистических социальных экспериментов позволяет обнаружить в них утопическую составляющую, представленную в форме теоретических конструкций, не имеющих аналога

в действительном, предметном мире, но, тем не менее, претендующих на универсальность, практическую реализуемость, законообразность.

Причина неэффективности, провала ряда социальных экспериментов заключается в противоречии между утопическим и реалистическим в самом эксперименте, развивающемся в антагонизм и приводящем, в конечном итоге, к саморазрушению и самоуничтожению социального эксперимента.

Характеристика социального эксперимента, его сущностных черт будет неполной, если не обратиться к еще одному примеру – обучению в школе детей с 6-летнего возраста. Наряду с реальной целью, поставленной организаторами, а именно обучение детей с 6 лет в форме игры и постепенный переход к учебным занятиям на уровне школьных программ, в этом эксперименте, на наш взгляд, присутствовали и утопические идеи: опора на принципы коллективистского, коммунитарного сообщества, равного распределения ролей и возможностей, общности всех и вся. Реальная учебно-педагогическая деятельность опровергла ряд идей и принципов, положенных в основу эксперимента. И в конечном итоге эксперимент был прекращен. В данном случае утопическая составляющая (умозрительная схема построения новых социальных отношений и связей в локальной сфере социальной жизни (педагогика)) доминировала над реалистической. Тот общественный идеал, который был положен в основу воспитательного процесса, изначально содержал неадекватные практическим возможностям субъекта теории и идеи. Конечно, сам механизм реализации теории в практической жизни очень сложен, представляет собой многоуровневый процесс, корректировка практикой происходит на каждом уровне реализации теории. Вследствие этого становится понятным, почему многие социальные эксперименты неэффективны.

Как показывает практика социального экспериментирования, утопическая составляющая социального эксперимента может являться лишь частью тех производных черт социального эксперимента, которые представляют собой своего рода его оболочку (наряду с относительно устойчивым ядром). Эти производные черты, как и конкретные формы воплощения сущностных черт, не могут быть определены априори. Они выкристаллизовываются в процессе происходящих преобразований и существенно варьируются в зависимости от условий, места и времени.

Каждый конкретный реалистический эксперимент представляет собой сложное социальное явление, в котором диалектически переплетаются реалистическое и утопическое. В ходе практической реализации утопические идеи могут претерпевать сущностные изменения, наполняясь реальным содержанием. Научно выверенный идеал и утопическая мечта могут идти рука об руку – нужно только не смешивать их друг с другом и не выдавать порожденную частным интересом мечту за научную истину. А для этого необходимо развивать рефлексивное отношение к утопическому сознанию и его порождениям.

Историческая закономерность парадоксальна: когда утопии начинают реализовываться в социальной практике, они преимущественно реализуются как антиутопии.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что утопичность многих реалистических экспериментов обусловлена не только идеей, но и практическим действием.

По мнению Е. Л. Чертковой, утопия превращается в утопизм, когда «покидает сферу чистого духовного опыта, вырабатывающего прекрасные идеалы, обращенные к воображению и чувству человека и призванные развивать и обогащать их, и становится активным элементом социально-практического сознания, становится фундаментом политических программ, требующих своей реализации»¹. Утопизм в данном случае рассматривается как «непреднамеренный продукт»², т. е. независимый от целей создателей утопии результат реализации идеи в социуме.

Важнейший вывод следует из анализа проблемы экстраполяции социальных экспериментов. На наш взгляд, только тогда необходимо говорить об эффективности того или иного эксперимента, когда он состоялся как единичный творчески-созидательный процесс в ограниченной области социальной действительности. Итоги любого реалистического социального эксперимента могут быть утопичны в случае расширения данного эксперимента на более широкую социальную действительность вследствие изменившихся объективных условий, усиления субъективистских тенденций, быстро меняющихся настроений и желаний людей в обществе. Вопрос о необходимости экстраполяции итогов какого-либо социального эксперимента, на наш взгляд, крайне сложен и требует особого рассмотрения.

¹ Черткова Е. Л. *Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму)* // *Вопр. философии*. 2001. № 7. С. 57.

² Там же.

Одним из важнейших условий представительности результатов социального эксперимента является их устойчивость. Показатель устойчивости результата социального эксперимента – возможность его воспроизведения в аналогичных условиях (на сходных объектах). Если результат эксперимента положителен, то его устойчивость – одна из важнейших предпосылок успешности экстраполяции социальной системы, изученной в эксперименте. Чем продолжительнее эксперимент, тем устойчивее результаты.

Следовательно, одним из условий успешной экстраполяции социального эксперимента является устойчивость его результатов. В данном случае речь идет об экстраполяции результатов реалистического социального эксперимента, т. е. теоретических выводов и заключений, полученных в процессе реализации исследовательской программы. А это сложный социально-психологический механизм практических и мысленных операций, требующий на каждом этапе глубоких теоретических знаний, компетентности, высочайшего профессионализма, знания психологии человеческого общения, ответственности. Экстраполяция теоретических выводов социального эксперимента с одного объекта на целый класс объектов может быть несостоятельной, если результаты одного эксперимента будут отрицательно-неопределенными. В этом случае потребуется пересмотр алгоритма всего социального эксперимента, если он возможен, если повторение не является тем порогом, за которым следует ограничение на продолжение и воспроизведение эксперимента. Ограничения могут быть вызваны различными социально-психологическими причинами. Отрицательно-скептическое отношение к социальным экспериментам в нашем обществе обусловлено не только непониманием, незнанием самой сути социального эксперимента как своеобразного способа творчески-преобразовательной деятельности, но и тем, что мы часто экстраполируем вероятностные теоретические суждения, даже программы, содержащие вероятностные теоретические конструкции, без подтверждения их экспериментальным путем в локальной социальной среде. Экстраполяция шагает впереди эксперимента. На наш взгляд, в этом просчет и ошибка многих теоретических конструкций, содержащих новизну и правильный расчет, направленных на совершенствование, научный, технический прогресс в обществе. Без практического воплощения новаторской идеи, мысли.

Экстраполяция результатов, полученных в ограниченной социальной среде, на одном или нескольких объектах, в более широкую социальную реальность может быть трагичной для человека. История нашей страны служит тому подтверждением.

Вопрос экстраполяции результатов реалистического социального эксперимента может быть рассмотрен в более глубоком смысле – в контексте соотношения теории и практики, сознания и реальности (материи), отражения сложного, многоуровневого процесса воспроизводства социальной реальности через множество шагов и этапов в сознании человека. Во всей этой сложной иерархии понятий и феноменов, составляющих единое глубинное понятие «жизнь», есть место и творчески-практическому преобразованию социальной действительности, помогающему человеку разоблачить природу, в том числе и человеческую природу. Речь идет о специфическом способе разоблачения человеческой природы и практики – эксперименте. Мы считаем экспериментальный диалог неотъемлемым достижением человеческой культуры. Он дает гарантию того, что при исследовании человеком природы последняя выступает как нечто независимо существующее. Экспериментальный метод служит основой коммуникабельной и воспроизводимой природы научных результатов. Сколь бы отрывочно ни говорила природа в отведенных ей экспериментом рамках, высказавшись однажды, она не берет своих слов назад: природа никогда не лжет. Безусловно, экспериментальный диалог в обществе не является безальтернативным способом познания и освоения социальной реальности, но данный способ, на наш взгляд, является тем кирпичиком здания новой конструкции, благодаря которому оно становится все прочнее и надежнее, практически обоснованнее.

Включенность экспериментально полученных теоретических выводов и заключений в экстраполяцию в качестве глубинных, сущностных оснований создает базу для последующих операций с теоретическими выводами, но уже в качестве первоначального теоретического базиса. Поясним мысль. Как мы уже отмечали, полученные в процессе реального социального экспериментирования реальные выводы и заключения должны быть экстраполированы с одного объекта на целый класс объектов, на более широкую социальную реальность. Экстраполяция возможна в случае получения устойчивых положи-

тельных результатов, не противоречащих человеческой природе. Полученные таким образом теоретические выводы становятся приращенным социальным знанием. В итоге эксперимент реализует свою познавательную-информационную функцию – получение нового социального знания, адекватно отражающего жизнь человека в микросистеме (контрольный объект в социальном эксперименте). Но новое социальное знание становится впоследствии первоначальным теоретическим базисом для последующих экспериментальных ситуаций. Метод экстраполяции начинает действовать на новом уровне исследования социальной реальности. Проблема состоит в том, чтобы включать в экстраполяции новый теоретический базис избранно, ориентируясь на нравственно-этический критерий в социальном эксперименте как на один из основных.

Таким образом, мы рассмотрели утопическую составляющую реалистического социального эксперимента. Что способствует возникновению утопических идей, которые органически вплетаются в систему реалистического социального эксперимента? Думается, что, в первую очередь, это способность сознания к продуцированию идей, отражающих опережающий характер мыслительной деятельности субъекта. Создавая исследовательские программы, прогнозируя перспективные социальные модели, субъект-исследователь неизбежно мечтает, воображает, представляя будущую модель социальных отношений, абстрагируясь от реальных отношений в общества, тем самым допуская утопический момент в гипотезу, практическая реализация которой в процессе экспериментирования неизбежно подвергается коррективке, отсекая утопические идеи.

Второй важный вывод состоит в том, что итоги реалистического социального эксперимента могут быть хорошими, но расширение этого социального эксперимента на все общество – утопией. Утопическая составляющая в реалистическом эксперименте представлена теми формами сознания и последствиями практического действия, которые способны создавать иллюзию идеального преобразования социальных связей и отношений, достаточно абстрактно репрезентирова реальную ситуацию в обществе. Утопические идеи, по существу, плохо соответствуют реальному бытию, не имеют явного и конкретного аналога в действительном мире.

3.3. Основные тенденции эволюции социального экспериментирования

До сих пор мы рассматривали социальный эксперимент как явление, требующее научно-теоретического и философского осмысления, в то же время отвлекались от реальной картины социального экспериментирования. Думаем, что сейчас необходимо привести примеры широкого развертывания социального экспериментирования в нашем обществе. Но речь идет о реалистических социальных экспериментах – примеры утопических социальных экспериментов были приведены во второй главе.

Движение жизни, необратимость инновационных процессов требуют применения метода социального экспериментирования. Начиная с конца прошлого столетия (1980-е гг.), процесс социального экспериментирования значительно активизировался. Можно обозначить разновидности и характер проведенных в период с 1980 г. по 1986 г. социальных экспериментов: экономические – 161, в промышленности – 71, в сельском хозяйстве и сфере услуг – 30 и 31, в строительстве и на транспорте – 26 и 21, в культуре – 8, в образовании – 5, в здравоохранении – 4.

Аналитики отмечали несколько причин того, что некоторые эксперименты не состоялись:

1. Нарушение принципов инновационных технологий: укрупненные показатели даются в мелкую разбивку; прибыль продолжает изыматься, в то время как финансирование нового строительства, реконструкции прекращается; новые методические и нормативные документы не поступают ко времени перехода на новые условия.

2. Противоречия со старым порядком: сохраняются прежние условия премирования; обостряется проблема оплаты продукции неплатежеспособными получателями; обостряется проблема несбалансированности планов по финансовому и материально-техническому обеспечению, фондов на техническое перевооружение и реконструкцию.

3. Преобладает типовой нормативный эксперимент, а нужны эксперименты многовариантные, учитывающие местные условия.

Бурный подъем экспериментального движения продолжается и в современных условиях развития России. Эта активность приобрела форму социального движения. Во-первых, большинство экспериментов предпринимается как бы снизу, по инициативе самих предприятий, учреж-

дений, без указаний, а иногда и разрешений из центра. Во-вторых, почти все они расширяют самостоятельность коллективов, снимают директивные ограничения. И только сейчас появляется некоторое понимание роли самого экспериментального метода в развитии нашего общества в целом. Значение нынешней волны экспериментов заключается в том, что она указывает на поворот управленческого мышления от доктрины к опыту, что характерно для естественных и технических наук. Это придает большую доказательность принимаемым решениям. Определенная рационализация управленческих процессов способствует вытеснению из них тех субъективных элементов, которые ставят решение в чрезмерную зависимость от индивидуальных особенностей руководителей. Отсюда усиление потребности в научной разработке экспериментальных процедур и методов.

На наш взгляд, одна из тенденций эволюции социального экспериментирования связана с реализацией диагностической функции реалистического социального эксперимента. Диагностическая функция реалистического социального эксперимента направлена на выявление новых свойств и отношений в социальном объекте, обнаружение новых качеств путем радикальных изменений и преобразований, контролируемых и обоснованных субъектом-исследователем. Обнаружить альтернативные пути эволюционного развития социальных процессов и явлений в условиях новых качественных изменений помогает инновационный социальный эксперимент, т. е. эксперимент, включающий выбор вариантов, подразумевающий поиск решения проблемы. Ведь эксперимент есть комплексная диагностика новшества и важная часть механизма перехода к нему, ибо сначала в процесс нововведения вовлекается небольшая часть системы, экспериментальный объект, на котором новшество отрабатывается до тиражируемого состояния и уже потом распространяется по остальным объектам.

Мы рассматривали диагностическую функцию социального эксперимента во второй главе. Напомним, что она заключается в адекватной оценке новшества на предмет его реализуемости и целесообразности. Цель всякого эксперимента, в том числе социального, – выявление соответствия теоретической модели, построенной по принципу опережающего отражения действительности, реальному предметному миру.

Но диагностическая функция не ограничивается только оценкой. Ее реализация позволяет решить задачи распознавания новых качеств в состоянии социального объекта в процессе экспериментального исследования, отделить объективно-истинные результаты и выводы от сомнительных, не отвечающих потребностям субъекта социального действия и цивилизованному движению общества к прогрессу. Здесь диагностическая функция социального эксперимента перерастает в прогностическую. На основе анализа полученных выводов, да и в ходе самого эксперимента субъект-исследователь не только проверяет, диагностирует признаки и состояние специального объекта, но и получает возможность предсказать альтернативные варианты его развития, возможность негативных последствий реализации той или иной теории. Мы говорим, что это и есть подлинный методологический подход к эволюции социальных процессов и явлений в обществе. А не движение на ощупь, путем проб и ошибок, как постоянно практикуется в нашем обществе, где научно-философский анализ заменяется некомпетентностью, декларированностью, пренебрежением к научным результатам. Как мы видим, теория и практика социального экспериментирования имеют прямой выход в реальную жизнь, что доказывает необходимость дальнейшей разработки методологических и теоретических основ социального эксперимента.

Продолжим наши рассуждения о тенденциях в социальном экспериментировании. Мы говорили, что одна из тенденций связана с реализацией диагностической функции. На наш взгляд, эта тенденция охватывает социальные связи и явления в обществе как по горизонтали, так и по вертикали. Мы имеем в виду те социальные объекты, которые включаются в экспериментальную деятельность. Так, научное управление обществом – от самого высшего уровня до уровня микросреды – охватывает социальные процессы, связи и явления как по горизонтали, так и по вертикали. Роль социального эксперимента как творчески-преобразующей, инновационной деятельности в научном управлении обществом несомненна.

Социальное экспериментирование в криминалистике, социальной психологии, педагогике, социологии имеет давнюю историю. Стремление получить новое знание об объекте, актуализировать потенциальные возможности, раскрыть творческие способности социального субъекта приводит к осознанию необходимости преобразования и со-

вершенствования социальных связей и отношений в определенной социальной сфере. Один из способов познания и преобразования социальной системы – реалистический социальный эксперимент. Названные выше сферы социальной реальности – педагогика, социология, социальная психология и т. д. – представляют собой подсистемы, структуры, которые с полным основанием можно назвать экспериментальными объектами. В каждой из названных сфер существуют определенные научно обоснованные приемы и средства реализации исследовательской программы, очерчен круг задач, необходимых для решения в контрольной группе.

Так, в социальной психологии одной из таких экспериментальных задач является изучение механизмов социально-психологической детерминации поведения индивидуума в группе. Основные вопросы здесь: В чем заключается сила воздействия группы на личность в процессе ее социализации? Какие существуют пока скрытые от нас возможности научного управления становлением личности? Какова структура взаимосвязи, взаимодействия ценностей, ориентаций, самооценки, коллектива? Как складывается понимание индивидом своего места в нем? и т. д. Реалистический социальный эксперимент позволяет констатировать наличие у социальных субъектов способности к восприятию новаций, понять процессы ломки старых стереотипов и зарождения потребности развивать собственное видение мира.

Склонность к социальному экспериментированию в последние годы демонстрирует и высшая школа. Вот некоторые примеры экспериментирования в высшей школе и размышления о них.

Теоретические вопросы социального экспериментирования в высшей школе на современном этапе исследованы очень слабо, что обусловлено целым рядом причин – как социально-политических, так и идеологических.

Эксперимент в высшей школе должен преследовать одну цель: эффективное обучение – эффективная практика – высокоэффективный уровень жизни общества. Поискам эффективности должна служить различного рода экспериментальная деятельность в вузах. Значительных успехов в осмыслении педагогических «опытов» достигла педагогика школы, где накоплен богатейший опыт по внедрению новых методов обучения и воспитания (А. П. Макаренко, В. А. Сухомлинский, современные педагоги-новаторы).

Нам бы хотелось остановиться на экспериментах в высшей школе. Журнал «Вестник высшей школы» дает такую возможность – в нем открыта рубрика «Поиск – эксперимент – практика». Обратимся к статье С. А. Смирнова «Понятие режиссуры игры в педагогике»¹. Автор полагает, что образование по сути своей должно стать деятельностью рефлексивной. В школе (средней и высшей) человек призван изучать не объект, а себя; он должен осваивать мир, формировать свою жизненную позицию. Разумеется, нужно учитывать тот факт, что освоение себя идет через освоение другого, становящегося твоим другим. Наиболее оптимальной формой такого диалогового контакта в образовании могут быть проблемно-игровые ситуации, служащие развитию индивидуальных качеств личности (интеллектуальных, волевых и пр.), на основе которых человек может формировать свою личностную позицию, связывающую все, что получено в процессе обучения, в единую целостную, осмысленную картину мира.

Для решения задач воспитания и обучения необходимо создать гибкую систему проблемно-игровых ситуаций, в которых каждый субъект смог бы найти для себя свои средства саморазвития. Научить ничему нельзя. Можно только научиться. Задача образования – создать условия, позволяющие научиться. И здесь можно говорить о режиссуре педагогики, т. е. искусстве построения и ломки взаимодействий людей в искусственной (игровой) ситуации, поскольку высшая педагогическая ситуация (ситуация «если бы») по существу искусственна. И хороший педагог не тот, кто владеет материалом, кто знает материал, а тот, кто может в ежесекундно меняющихся обстоятельствах находить единственно правильное решение, кто способен быстро и верно сориентироваться в любой текущей педагогической ситуации.

Обратимся к опыту педагогического института Новосибирска, описанному в статье «Понятие режиссуры игры в педагогике»². Набирается группа добровольцев из 20–30 человек. В начале занятий проходят теоретические лекции руководителей спецсеминаров. Затем студентам предлагается на выбор ряд заданий:

- 1) проведение сюжетно-ролевой игры;
- 2) чтение доклада;
- 3) моделирование урока.

¹ Смирнов С. А. Понятие режиссуры игры в педагогике // Вестн. высш. шк. 1987. № 6. С. 34–38.

² Там же.

Все задания оцениваются, прежде всего, с точки зрения режиссуры, т. е. с точки зрения логики их выполнения.

Также на спецсеминарах со студентами проводятся различные психофизические игры и упражнения, взятые из театральной педагогики, социальной психологии и психотерапии. Игры-упражнения разработаны на классы:

- 1) игры-упражнения на развитие памяти, внимание и представление;
- 2) игры-упражнения на развитие психологических навыков;
- 3) игры-упражнения на действия;
- 4) игры-упражнения на тему «Атмосфера» и т. д.

Еще один пример – из опыта обучения студентов-медиков. Как лучше всего проверить на экзамене уровень практических навыков выпускников медицинского института? Этим вопросом задались сотрудники кафедры внутренних болезней № 2 из Первого Санкт-Петербургского государственного университета имени академика И. П. Павлова и разработали особую форму проведения госэкзаменов, которую апробировали на всех терапевтических кафедрах своего университета¹.

По новой методике госэкзамен по «Внутренним болезням» на 4-м курсе лечебного факультета должен проводиться в два этапа. Первый день – выявление уровня практической подготовки студентов, второй – проверка их теоретических знаний. За каждый раздел на практической части экзамена выставляется оценка, которая вносится в специально разработанную карту практической части госэкзамена; затем из трех оценок выводится общая. В целом студент затрачивает на практическую часть экзамена до 2 ч 40 мин. Теоретическая часть экзамена сдается по билетам, каждый из которых состоит из трех вопросов. Окончательно экзаменационная оценка выводится по сумме результатов за практическую и теоретическую части экзамена.

Следующий пример. Вуз призван формировать личность – эта истина неоспорима. Как в условиях инноваций усилить воспитательную функцию учебного процесса с учетом психологических закономерностей формирования личности в ходе усвоения знаний? Как это можно обеспечить? Одно из основных средств – продуманная организация совместной деятельности обучающего и обучаемого с тем, чтобы она приводила к желаемой перестройке личностных позиций студентов, смысловых ориентиров и переходу на новый уровень усвоения.

¹ Федосеев Г. Б., Трофимов В. И. Госэкзамен: два эксперимента // Вестн. высш. шк. 1988. № 7. С. 79.

В поисках нужных механизмов обратимся к методу совместной продуктивной деятельности преподавателя со студентами, разработанному под руководством профессора В. Я. Ляудиса¹. В этом методе нас привлекла возможность активизации потенциальных резервов личности студентов, во-первых, путем изменения позиции преподавателя – он становится сотрудником и помощником для студентов, строго дозируя на каждом этапе масштабы своей помощи; во-вторых, путем изменения характера учебных задач – введением системы творческих заданий, переходом от сугубо учебных к учебно-профессиональным продуктивным задачам, решение которых облегчается взаимодействием преподавателя со студентами и студентов друг с другом.

Мы выявили новые возможности достижения единства обучения и воспитания, которые были проверены в ходе эксперимента, проводимого в течение шести лет со студентами 1–4-го курсов инженерно-экономического факультета Курганского машиностроительного института. Задачей эксперимента было подтвердить или опровергнуть в практике обучения иностранному языку гипотезу о том, что совместная продуктивная деятельность преподавателя и студентов, основанная на единстве аудиторных и внеаудиторных форм работы, обеспечивает взаимное усиление мотивов как учебно-познавательной, так и учебно-коммуникативной деятельности, а также мотивов динамического общения и приводит к более высоким уровням овладения иностранным языком и развитию творческой активности студентов.

В экспериментальных группах уровень сформированности у обучаемых речевых умений и навыков оказался гораздо более высоким. Студенты экспериментальных групп обладали большим объемом словарного запаса, более высокой скоростью порождения фраз, у них было развито умение соотносить уровни высказывания с его предметом, оказалась выше критичность в оценке речемыслительных актов (своих и товарищей), они делали меньше ошибок в плане использования лексико-грамматических средств речи. Совокупность аудиторных и внеаудиторных форм активного межличностного общения при изучении иностранного языка значительно обогащает личность будущего специалиста. Студенты становятся более зрелыми, раскованными, смелыми в своих суждениях и действиях.

¹ Ляудис В. Я. Продуктивная совместная деятельность учителя с учеником как метод формирования личности // Активные методы обучения педагогическому общению и его оптимизации. М., 1983. С. 64–73.

Приведенные примеры подтверждают наши выводы о том, что диагностическая функция реалистического социального эксперимента состоит в оценке практической полезности нововведений и необходимости их экстраполяции на более широкую социальную реальность в случае положительного результата¹.

Рассмотрим еще одну тенденцию эволюции социального эксперимента, связанную с реализацией его прогностической функции. Мы говорили о том, что функция диагностики реалистического социального эксперимента, с одной стороны, направлена на оценку новшества, получение нового качественного состояния социального объекта, с другой стороны, определяет направленность эволюции социального объекта вследствие введения определенных нововведений в процессе экспериментальных операций, определяет границу альтернативных вариантов развития нововведений². На этом уровне диагностическая функция как бы меняет свой статус, диалектически переходя в функцию прогностическую, т. е. функцию предвидения.

Известно, что прогнозирование – разновидность научного предвидения, специальное исследование перспектив какого-либо феномена. Научное предвидение будущего являет собой процессуальную процедуру экстраполяции научного знания о прошлом и настоящем на будущее, осуществляемую путем пропускания этого знания сквозь эмпирический, теоретический и мировоззренческий фильтры правильности.

Нам думается, что одним из методов эмпирического фильтра правильности является реалистический социальный эксперимент. Проблема состоит в том, что научное прогнозирование, базирующееся на реалистическом социальном эксперименте как специфическом фильтре, было исследовано именно в аспекте соотношения реалистического и утопического. Может быть, моделируя ситуацию будущего на любом уровне исследования (макро- либо микросистемы (трудовой коллектив, семья, научное сообщество и т. д.)), следует использовать разнообразные формы социального экспериментирования – от самых несложных натуральных форм до сложнейшего мысленного экспериментирования. Одной из особенностей функционирования нашего общества, на наш взгляд, является, как мы уже говорили, то, что на любом уровне

¹ Андрусенко В. А., Пивоваров Д. В., Алексеев А. С. Экстраполяция в научном познании: специфика и проблемы правильности. Иркутск, 1986. С. 105.

² Философский словарь. М., 1980. С. 296.

исследования мы сначала экстраполируем то, что нам кажется удобным и лучшим, а уже потом прибегаем к методу экспериментирования. Но, реализуя свою прогностическую функцию, реалистический социальный эксперимент предоставляет целый спектр перспективных решений на будущее. Он открывает возможность выбора перспектив социального развития не путем вероятностных допущений, методом проб и ошибок, а путем проверки истины на правильность, сведения к минимуму ошибок и просчетов, допуская практическую проверку тех или иных теоретических предположений в строго ограниченных условиях эксперимента пространственно-временных параметрах.

Сегодня принципы социального предвидения и прогнозирования играют огромную роль в решении перспектив социального развития и, думается, что их научно-теоретическая обоснованность только повысится, если они будут базироваться на методе социального экспериментирования.

Итак, в общественной жизни вряд ли можно встретить чистый социальный эксперимент. Анализируя содержание социального эксперимента, мы пришли к выводу о существовании в нем реалистического и утопического моментов.

Утопические социальные эксперименты содержат реалистическую составляющую, т. е. то, что объективно существует в реальной социальной практике, в наличном бытии.

В реалистическом социальном эксперименте утопическая составляющая – воплощение идей и принципов утопического идеала, то, что можно вообразить, мысленно сконструировать, но что практически невозможно реализовать.

Утопический и реалистический моменты в социальном эксперименте взаимопереплетаются, вступают в противоречие, в результате чего наблюдается диалектическое отрицание одного другим; при необходимых условиях, соответствующих теоретическим предпосылкам, утопический социальный эксперимент, приобретая черты реальной социальной жизни, трансформируется в реалистический.

Практика социального экспериментирования наглядно подтверждает и еще один вывод: не всякий реалистический эксперимент дает положительные результаты. Причина неэффективности таких экспериментов – в появлении иррациональных методов, что превращает их в утопию.

Заключение

Подведем итоги нашего исследования по проблеме теории социального эксперимента.

В результате анализа содержания понятия «социальный эксперимент» мы пришли к выводу, что социальный эксперимент – сложное, внутренне противоречивое явление, отражающее реальный мир субъект-объектных и субъект-субъектных отношений и связей в процессе познания и освоения новой социальной действительности. Особенности подлинно социальных экспериментов являются их уникальность, инновационный характер, направленность на созидание новых форм жизни каждого индивида и общества в целом.

В основе социального экспериментирования лежит процесс идеалообразования, под которым следует понимать духовно возвышенное представление о будущем социуме, отражающее реальное бытие в идеальных образах, пытающееся субъективную мечту – прообраз будущей социальной действительности – превратить в реальную практику субъектов. Но процесс идеалообразования не ограничивается конструированием утопического идеала: творчески-созидательная функция сознания способствует образованию общественного идеала в иных формах, воплощенного в исследовательских программах по совершенствованию отдельных сторон социальной жизни.

История социального экспериментирования, накопленный социальный и культурный опыт наглядно подтверждают теоретическое предположение о существовании социальных экспериментов двух классов – реалистических и утопических социальных экспериментов. Критерием различения двух классов социальных экспериментов является характеристика процесса идеалообразования, наличие рационального и иррационального в нем.

Дальнейшие размышления и анализ конкретных социальных экспериментов приводят нас к выводу, что чисто утопический и чисто реалистический социальные эксперименты – абстракции (хотя для такого разделения есть некоторые основания, т. е. в истории можно обозначить несколько классических примеров сравнительно чистых утопических и реалистических экспериментов). В подавляющем большинстве случаев в каждом социальном эксперименте есть моменты утопии и реаль-

ности, но в разном соотношении. В утопическом социальном эксперименте мы находим реалистическую составляющую, в реалистическом – утопическую. Отсюда следует, что утопия обладает некоторой ценностью, в ней есть нечто такое, что при определенных условиях может стать реальностью, а реалистический эксперимент иногда весьма сомнителен (в нем кое-что в будущем может дать иррациональный эффект и превратить его в утопию).

Отсюда следует вывод о диалектике утопического и реалистического в социальном эксперименте: объективные условия, теоретические предпосылки, уровень подготовки и организации социального эксперимента обуславливают доминирование одного из аспектов, определяющего сущность и характер всего эксперимента.

Итоги социального эксперимента могут быть положительными, но расширение этого социального эксперимента на все общество – утопией. Эволюция циклов всеобщей практической и развивающейся жизни, многообразие реальной жизни общества способствуют тому, что всякий раз структура и организация отдельного социального эксперимента значительно видоизменяется и в каждом конкретном случае результаты экспериментирования и соответствующие теоретические выводы оказываются неповторимыми и слабо сравнимыми с итогами аналогичных, казалось бы, опытов.

Диалектика реалистического и утопического в социальном эксперименте находит свое выражение в функциональном разнообразии утопических и реалистических экспериментов и тенденциях их развития.

На современном этапе развития общества, в условиях модернизации всех сфер социума, социальное экспериментирование является важнейшей формой инновационной практики и, как следствие, способом преобразования общественных отношений, экономического базиса, научного потенциала, духовно-нравственных норм и ценностей в соответствии с инновационными целями и задачами.

Библиографический список

А. Н. Леонтьев и современная психология: сборник статей памяти А. Н. Леонтьева / под ред. А. Запорожца, В. Зинченко. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. 320 с.

Авдеева М. А. Идеи Фурье в США / М. А. Авдеева // История социалистических учений / Г. С. Кучеренко [и др.]. Москва: Наука, 1976. С. 269–283.

Аверин А. Н. Социальный эксперимент и его роль в управлении: монография / А. Н. Аверин. Москва: Политиздат, 1979. 131 с.

Алексеев В. П. Практика: ее сущность и структура / В. П. Алексеев // Вестник Московского университета. 1988. № 3. С. 28–32.

Алексеев М. И. Экономический эксперимент: социальные аспекты: монография / М. И. Алексеев. Москва: Мысль, 1987. 252 с.

Аллахвердян С. Д. Природа социальных понятий: монография / С. Д. Аллахвердян. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1989. 136 с.

Андерсон К. М. Коммунистический утопический эксперимент в истории общественной мысли и социальных движений: коллективная монография / К. М. Андерсон, А. К. Бондарев, И. Б. Градинар. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988. 152 с.

Андерсон К. М. Оуэнисты в Британии: утопический социализм и общественное движение в Англии 1810–1830: монография / К. М. Андерсон. Москва: Наука, 1989. 310 с.

Андреев Ю. П. Социальные институты: содержание, функции, структура: коллективная монография / Ю. П. Андреев, Н. М. Коржевская, Н. Н. Костина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 84 с.

Андрусенко В. А. Экстраполяция в научном познании: специфика и проблема правильности: коллективная монография / В. А. Андрусенко, Д. В. Пивоваров, А. С. Алексеев. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. 114 с.

Антипов Г. А. Проблемы методологии исследования общества как целостной системы: коллективная монография / Г. А. Антипов, А. Н. Кочергин. Новосибирск: Наука, 1988. 257 с.

Арефьева Г. С. Социальная активность: монография / Г. С. Арефьева. Москва: Политиздат, 1974. 230 с.

Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента: монография / А. В. Ахутин. Москва: Мысль, 1976. 292 с.

Бакулов В. Д. Утопизм как превращенная форма выражения социального идеала / В. Д. Бакулов // Вестник Российского философского общества. 2002. № 4. С. 130–133.

Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе: монография / В. С. Барулин. Москва: Мысль, 1977. 198 с.

Барулин В. С. Социальная жизнь общества. Вопросы методологии: монография / В. С. Барулин. Москва: Мысль, 1987. 85 с.

Баталов Э. Я. В мире утопии: монография / Э. Я. Баталов. Москва: Политиздат, 1989. 315 с.

Баталов Э. Я. Современное капиталистическое общество и утопическое сознание / Э. Я. Баталов // Вопросы философии. 1973. № 10. С. 45–47.

Белик А. П. Социальная форма движения: явления и сущность: монография / А. П. Белик. Москва: Наука, 1982. 270 с.

Бергсон А. Здравый смысл и классическое образование / А. Бергсон // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 163–168.

Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии: монография / Н. А. Бердяев. Москва: Мысль, 1991. 318 с.

Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования: монография / И. В. Бестужев-Лада. Москва: Наука, 1979. 311 с.

Бикметова Т. И. К вопросу о понятии «эксперимент» / Т. И. Бикметова // Логико-философские исследования. 1989. № 1. С. 10–16.

Блох А. Утопия и утопическое мышление: коллективная монография / А. Блох, Г. Ганс, Л. Мелвин. Москва: Прогресс, 1991. 403 с.

Богданов Р. Г. Незнакомый Израиль / Р. Г. Богданов // Аргументы и факты. 1989. № 46. С. 3.

Бойченко И. В. Социальное познание: принципы, формы, функции: коллективная монография / И. В. Бойченко, В. И. Куценко. Киев: Наукова Думка, 1989. 199 с.

Бутенко А. П. О социально-классовой природе сталинской власти / А. П. Бутенко // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 65–78.

Быков В. В. Научный эксперимент: учебное пособие / В. В. Быков. Москва: Наука, 1989. 174 с.

Бэкон Ф. Великое восстановление наук: монография / Ф. Бэкон. Москва: Мысль, 1977. 590 с.

Вартофский М. Модели: репрезентация и научное понимание: монография / М. Вартофский // М. Вартофский. Москва: Прогресс, 1996. 506 с.

Ватин И. В. Человеческая субъективность: монография / И. В. Ватин. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1984. 215 с.

Володин А. И. Утопия и история: монография / А. И. Володин. Москва: Политиздат, 1976. 214 с.

Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики: монография / Х. Г. Гадамер. Москва: Прогресс, 1988. 690 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия духа: монография / Г. В. Ф. Гегель. Москва: Мысль, 1977. 480 с.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 томах / Г. В. Ф. Гегель. Москва: Мысль, 1975. Т. 1. 311 с.

Геллер Л. Утопия в России: коллективная монография / Л. Геллер, М. Нике. Москва: Гиперион, 2003. 312 с.

Гончаров С. З. Логика мышления и аксиология сердца / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. 512 с. (Серия: «Философское образование». Вып. 37.)

Гранин Ю. Д. Марксизм: утопия или научный проект? / Ю. Д. Гранин // Философские науки. 1991. № 3. С. 78–92.

Давидович В. Е. Категория образа в марксистско-ленинской гносеологии: структура и функции / В. Е. Давидович, Е. В. Золотухина-Аболина. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1986. 130 с.

Духанин В. М. Формирование социального знания: монография / В. М. Духанин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 140 с.

Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель / Б. Ф. Егоров. Санкт-Петербург: Искусство, 2007. 416 с.

Железняк В. С. Общественный идеал и социально-историческая деятельность / В. С. Железняк. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. 105 с.

Житенев В. Б. От единомыслия к плюрализму / В. Б. Житенев // Социализм и Россия. 1990. № 5. С. 270–288.

Жуковский В. И. Визуальное мышление в структуре научного познания: коллективная монография / В. И. Жуковский, Д. В. Пивоваров, Р. Ю. Рахматуллин. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988. 179 с.

Зеленов Л. А. Экстраполяция и эксперимент / Л. А. Зеленов, С. П. Макарычев // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 87–96.

Каган М. С. Мир общения: монография / М. С. Каган. Москва: Политиздат, 1988. 319 с.

Кампанелла Т. Город Солнца: монография / Т. Кампанелла. Москва: Прогресс, 1947. 251 с.

Кант И. Сочинения: в 6 томах / И. Кант. Москва: Философское наследие, 1964. Т. 3. 799 с.

Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика: монография / П. Л. Капица. Москва: Наука, 1987. 341 с.

Каракозова Э. В. Моделирование в общественных науках: философско-методологические проблемы: монография / Э. В. Каракозова. Москва: Высшая школа, 1986. 290 с.

Кемеров В. Е. Методология обществознания. Проблемы, стимулы, перспективы / В. Е. Кемеров. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. 164 с.

Кемеров В. Е. Системное знание и способы его построения / В. Е. Кемеров // Анализ системы научного познания / отв. ред. С. З. Гончаров, И. Я. Лойфман. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. С. 44–48.

Ким В. В. Гносеологическая сущность социального эксперимента / В. В. Ким // Анализ системы научного познания: сборник статей / под ред. Е. И. Кочеткова. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. С. 118.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: монография / А. И. Клибанов. Москва: Наука, 1978. 690 с.

Клопов В. Ф. Проблема субъективного фактора / В. Ф. Клопов // Философские науки. 1988. № 11. С. 34–37.

Козлова Н. М. Проблема методологии социального познания / Н. М. Козлова // Вопросы философии. 1984. № 7. С. 14–18.

Колеватов В. А. Социальная память и познание: монография / В. А. Колеватов. Москва: Мысль, 1984. 211 с.

Колесниченко Т. А. Эксперимент в Лондоне / Т. А. Колесниченко // Правда. 1989. 24 июня.

Копалов В. И. Принцип историзма в социальном познании: монография / В. И. Копалов. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. 172 с.

Коршунов А. М. Диалектика социального познания: коллективная монография / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. Москва: Политиздат, 1988. 321 с.

Краткий словарь по социологии / под общ. ред. А. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. Москва: Политиздат, 1988. 479 с.

Круг Г. К. Современное состояние и перспективы развития планирования и автоматизации эксперимента в научном исследовании: монография / Г. К. Круг. Москва: Мысль, 1974. 180 с.

Кузнецова Н. И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России / Н. И. Кузнецова // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 49–60.

Куприян А. П. Проблема эксперимента в системе общественной практики: монография / А. П. Куприян. Москва: Наука, 1981. 166 с.

Кутырев В. А. Современное социальное познание: монография / В. А. Кутырев. Москва: Мысль, 1988. 217 с.

Лапицкий В. В. Структура и функции субъекта познания: монография / В. В. Лапицкий. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1983. 181 с.

Лекторский В. А. Субъект, объект, познание: монография / В. А. Лекторский. Москва: Высшая школа, 1965. 122 с.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. Москва: Политиздат, 1975. 304 с.

Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном / М. А. Лифшиц // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.

Логиновских Т. А. Социальный эксперимент как форма инновационной практики: монография / Т. А. Логиновских; Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2011. 119 с.

Лопатников Л. И. Экономические эксперименты в промышленности: учебное пособие / Л. И. Лопатников. Москва: Экономика, 1968. 103 с.

Лучанкин А. И. Идеал и утопия / А. И. Лучанкин // Идеальное как продукт исторического развития человечества / ред. В. И. Плотников. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. С. 102–117.

Львов С. Л. Гражданин Города Солнца. Повесть о Томмазо Кампанелле: монография / С. Л. Львов. Москва: Политиздат, 1979. 437 с.

Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии: монография / К. Н. Любутин. Москва: Высшая школа, 1981. 364 с.

Любченко В. С. К проблеме генезиса естественнонаучного эксперимента / В. С. Любченко // Философские науки. 1987. № 3. С. 85–90.

Ляудис В. Я. Продуктивная совместная деятельность учителя с учеником как метод формирования личности / В. Я. Ляудис // Активные методы обучения педагогическому общению и его оптимизации / под ред. В. Я. Ляудис. Москва: Высшая школа, 1983. С. 64–73.

Мангейм К. Идеология и утопия / К. Мангейм // Утопия и утопическое мышление / сост. В. А. Чаликова. Москва: Прогресс, 1991. С. 113–169.

Маркова Е. В. Планирование эксперимента в условиях неоднородностей: коллективная монография / Е. В. Маркова, В. П. Лисенков. Москва: Политиздат, 1973. 189 с.

Маркс К. Метод политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 томах. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1958. Т. 12. С. 726–735.

Мильдон В. И. История и утопия как типы сознания / В. И. Мильдон // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 15–24.

Мор Т. Утопия: монография / Т. Мор. Москва: Наука, 1978. 403 с.

Мортон А. Л. Английская утопия: монография / А. Л. Мортон. Москва: Прогресс, 1956. 420 с.

Москвич Ю. Н. Инновационное общество как реальность: ожидание чуда и новые тревоги. Новая социальная реальность глобального мира / Ю. Н. Москвич. Красноярск: Литера-Принт, 2008. 214 с.

Мудрагей И. С. Рациональное и иррациональное: монография / И. С. Мудрагей. Москва: Мысль, 1985. 112 с.

Налимов В. В. Логические основания планирования эксперимента: коллективная монография / В. В. Налимов, Т. И. Голикова. Москва: Металлургия, 1981. 214 с.

Налимов В. В. Теория эксперимента: монография / В. В. Налимов. Москва: Наука, 1971. 159 с.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале: монография / П. И. Новгородцев. Москва: URSS, 1991. 640 с.

Новиков В. Г. Мысленный эксперимент в социальном действии / В. Г. Новиков // Философские науки. 1990. № 7. С. 14–19.

Овчинникова О. В. О некоторых путях экспериментального исследования мотивации человека, открываемых концепцией деятельности / О. В. Овчинникова // А. Н. Леонтьев и современная психология: сборник статей памяти А. Н. Леонтьева / под ред. А. Запорожца, В. Зинченко. Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. С. 200–212.

Пивоваров Д. В. Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма / Д. В. Пивоваров // Отношение человека к иррациональному: сборник статей / под ред. Д. В. Пивоварова. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. С. 9–38.

Пивоваров Д. В. Проблема носителя идеального образа: монография / Д. В. Пивоваров. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1986. 129 с.

Плотников В. И. Идеальное в структуре исторически являющейся реальности как философская проблема / В. И. Плотников // Идеальное как продукт исторического развития человечества / ред. В. И. Плотников. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. С. 48–69.

Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия: монография / А. И. Пригожин. Москва: Политиздат, 1989. 271 с.

Пригожин И. Р. Порядок из хаоса: коллективная монография / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. Москва: Прогресс, 1986. 319 с.

Пукшанский В. Я. Обыденное знание: монография / В. Я. Пукшанский. Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. 152 с.

Рункова Г. Г. Полный факторный эксперимент: монография / Г. Г. Рункова. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. 151 с.

Рывкина Р. В. Социальный эксперимент: коллективная монография / Р. В. Рывкина, А. В. Винокур. Новосибирск: Наука, 1968. 173 с.

Сагатовский В. Н. Об элементарной системе социального отражения / В. Н. Сагатовский. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1977. Вып. 8. 30 с.

Сагатовский В. Н. Об эмпирическом базисе философии / В. Н. Сагатовский // Философские науки. 1988. № 12. С. 91–99.

Сачков Ю. В. Научный метод, вопросы его структуры / Ю. В. Сачков // Вопросы философии. 1983. № 2. С. 84–90.

Святловский В. В. Каталог утопий: монография / В. В. Святловский. Москва; Петроград: Госиздат РСФСР, 1923. 100 с.

Сивоконь П. Е. Эксперимент и его теоретические предпосылки / П. Е. Сивоконь // Проблема взаимосвязи общественных и естественных наук: сборник статей / под ред. З. В. Кагановой. Москва: Прогресс, 1987. 264 с.

Смирнов С. А. Понятие режиссуры игры в педагогике / С. А. Смирнов // Вестник высшей школы. 1987. № 6. С. 34–38.

Старжинский В. П. Методология науки и инновационная деятельность: пособие для аспирантов, магистрантов и соискателей уче-

ной степени кандидата технических и экономических специальностей / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. Минск: Новое знание; Москва: Инфра-М, 2013. 326 с.

Стоппард Т. Берег утопии: монография / Т. Стоппард. Москва: Иностранка, 2006. 479 с.

Сурмин Ю. П. Социальный эксперимент как средство познания и преобразования общественных явлений / Ю. П. Сурмин // Социальное познание: принципы, формы, функции / отв. ред. В. И. Куценко, И. В. Бойченко. Киев: Наукова думка, 1989. 203 с.

Сухомлинский В. А. Родина в сердце: монография / В. А. Сухомлинский. Москва: Молодая гвардия, 1980. 175 с.

Темкин К. Судьба эксперимента / К. Темкин // Уральский университет. 1989. 16 янв.

Тихонова Е. В. Методология и методы социологического исследования / Е. В. Тихонова. Москва: Академия, 2012. 365 с.

Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации: монография / М. И. Туган-Барановский. Москва: Мысль, 1989. 411 с.

Ульянов М. В чем суть эксперимента / М. Ульянов // Уральский университет. 1990. 10 марта.

Усманов Б. Ф. Социальная инноватика: учебное пособие / Б.Ф. Усманов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Социум, 2009. 517 с.

Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира. Социализм и «культ личности»: монография / З. И. Файнбург. Москва: Политиздат, 1991. 319 с.

Федосеев Г. Б. Госэкзамен: два эксперимента / Г. Б. Федосеев, В. И. Трофимов // Вестник высшей школы. 1988. № 7. С. 74–80.

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1980. 448 с.

Фофанов В. П. Социальная деятельность и теоретическое отражение: монография / В. П. Фофанов. Новосибирск: Наука, 1986. 188 с.

Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 98–114.

Хабермас Ю. Познание и интерес / Ю. Хабермас // Философские науки. 1990. № 1. С. 98–118.

Хагуров А. А. Гносеологическая роль социального эксперимента в системе практической деятельности / А. А. Хагуров // Философские и социологические проблемы человеческой деятельности: сборник статей / под ред. А. А. Хагурова. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1984. 168 с.

Хагуров А. А. Социальный эксперимент: логико-методологические и социальные проблемы: монография / А. А. Хагуров. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1989. 152 с.

Хилкуит М. История социализма в Соединенных Штатах / М. Хилкуит. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1907. 275 с.

Чаликова В. А. Настоящее и будущее сквозь призму утопий / В. А. Чаликова // Современные буржуазные теории общественного развития: сборник статей / под ред. В. А. Чаликовой. Москва: Мысль, 1984. С. 74–121.

Черткова Е. Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) / Е. Л. Черткова // Вопросы философии. 2001. № 7. С. 47–58.

Чинакова Л. И. Социальный детерминизм: проблема движущих сил развития общества / Л. И. Чинакова. Москва: Политиздат, 1985. 159 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К. В. Чистов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. 528 с.

Чоран Э. М. После конца истории: Философская эссеистика: монография / Э. М. Чоран. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2002. 544 с.

Швырев В. С. К проблеме специфики социального познания / В. С. Швырев // Вопросы философии. 1972. № 2. С. 117–128.

Швырев В. С. Научное познание как деятельность: монография / В. С. Швырев. Москва: Политиздат, 1984. 229 с.

Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании: монография / В. С. Швырев. Москва: Наука, 1978. 382 с.

Шестаков В. П. Понятие утопии и современные концепции утопического / В. П. Шестаков // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 151–158.

Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания: монография / В. А. Штофф. Москва: Наука, 1978. 348 с.

Эксперимент. Модель. Теория: сборник статей / под ред. Р. С. Карпинской. Москва: Наука, 1982. 520 с.

Яцкевич С. А. Социальный эксперимент как форма научного творчества / С. А. Яцкевич // Методологические аспекты научного познания и социального действия / Философ. о-во России. Минск, 1985. С. 102–110.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Материальное и идеальное в социальном эксперименте	10
1.1. Социальный эксперимент как способ социального познания и форма инновационной практики	11
1.2. Общественный идеал в структуре социального эксперимента.....	26
Глава 2. Реалистическое и утопическое в социальном эксперименте.....	35
2.1. О критериях реалистического и утопического	35
2.2. Реалистический и утопический эксперименты в сфере обществен- ных отношений: различие их идейной основы, структуры и функций	41
Глава 3. Реалистическая составляющая утопического эксперимента и утопическая составляющая реалистического эксперимента в сфере общественной жизни.....	63
3.1. Реалистическая составляющая утопического эксперимента.....	63
3.2. Утопическая составляющая реалистического эксперимента	69
3.3. Основные тенденции эволюции социального экспериментирования.....	77
Заключение	86
Библиографический список	88